

МЕСТЬ ГЕОГРАФИИ

ЧТО МОГУТ РАССКАЗАТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ
О ГРЯДУЩИХ КОНФЛИКТАХ
И БИТВЕ ПРОТИВ НЕИЗБЕЖНОГО

РОБЕРТ КАПЛАН

В своем глобальном исследовании Роберт Каплан обращается к древней истине:
география — решающий фактор, определяющий судьбу народов
как до современных конфликтов, так и после-кризисной войны.

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР

Роберт Д. Каплан
Месть географии. Что могут рассказать
географические карты о грядущих
конфликтах и битве против неизбежного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634745

*Месть географии. Роберт Каплан. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного: КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва; 2015
ISBN 978-5-389-10490-7*

Аннотация

«География может рассказать о целях и стратегиях государства гораздо больше, чем его идеология или внешняя политика», – считает известный американский публицист и геополитик Роберт Каплан. Он убежден, что будущее стран и континентов можно понять в контексте таких объективных параметров, как климат, территория, наличие водных ресурсов, разнообразие ландшафта. Прослеживая историю регионов, стран и «горячих точек» планеты, автор предлагает собственную целостную теорию о грядущем цикле конфликтов, которые будут происходить по всей Евразии – в Европе, России, Китае, Турции, Иране, на арабском Ближнем Востоке. Каплан опирается в своем исследовании на современные научные данные и на классические труды прошедшего столетия.

Он утверждает: зная географию, можно ясно увидеть те границы, переступить которые не следует. Достаточно просто подойти к карте и внимательно посмотреть на нее.

Содержание

Пролог	6
Часть I	13
Глава 1	13
Глава 2	27
Глава 3	38
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Роберт Каплан

Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного

Именно потому, что я не очень-то верю в то, что удел человечества переменится когда-нибудь в лучшую сторону, периоды процветания и определенного прогресса, а также стремление начать все сначала и не останавливаться на достигнутом кажутся мне истинными чудесами, которые уравнивают собой необъятную массу зла и поражений, равнодушия и ошибок. Неизбежны новые падения, новые катастрофы; хаос будет торжествовать; но временами и порядок тоже будет брать верх.¹

Маргерит Юрсенар. Воспоминания Адриана

Robert D. Kaplan

The Revenge of Geography

What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate

© Robert D. Kaplan, 2012

© Котов М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
КоЛибри®

* * *

РОБЕРТ КАПЛАН – известный американский публицист, геополитик, старший научный сотрудник Центра новой американской безопасности, член Совета по оборонной политике США. Работая корреспондентом, объехал десятки стран Африки, Ближнего Востока и Европы. В течение 30 лет его статьи, опубликованные на страницах The Atlantic, The New York Times, The Washington Post, The Financial Times и The Wall Street Journal, не раз становились причиной бурных дебатов в СМИ, академических кругах и высших эшелонах власти. Журнал Foreign Policy два года называл Каплана в числе «100 ведущих мировых мыслителей».

«Месть географии» расставляет факты по местам... Реализм Каплана и его готовность смотреть в лицо действительности делают эту книгу ценным противовесом тем намерениям и воззваниям, которые часто выдают за стратегическое мышление.

The Daily Beast

Каплан – тот самый наблюдатель мировых событий, который видит то, чего часто не видят другие. Он уже завоевал репутацию одного из самых проникательных геополитиков, и книга упрочивает этот его статус.

National Review

Я считаю, что хотя география вовсе не обязательно определяет будущее, она устанавливает рамки достижимого и недостижимого.

Мы не должны покоряться географии. Но наши поиски лучшего мира должны опираться на доскональное ее знание.

РОБЕРТ КАПЛАН

Эта амбициозная по замыслу книга бросает вызов традиционным представлениям, демонстрирует глубокое понимание сути современной мировой политики и служит мощным напоминанием о том, что геофизическое строение планеты формирует человеческие конфликты прошлого и настоящего в той же мере, что и конкурирующие религии и идеологии.

The New York Review of Books

Во времена смуты и военных переворотов политические карты приобретают особую важность. Когда под чьими-то сапогами рушатся устои власти, карта представляет собой источник мудрости, начало понимания исторической логики событий, возможности предугадать, что может произойти дальше.

География скорее «налагает», а не «располагает». География не есть синоним фатализма. Но, как и распределение экономической и военной мощи, она является основным ограничителем – и подстрекателем – действий государства.

Работа с таким инструментарием, как карты рельефа и сводки демографических исследований, позволит выйти на новый уровень сложности в анализе внешней политики и таким образом обнаружить возможность более глубокого и широкого понимания мира. Вам нет нужды становиться фанатом географии, чтобы осознать всю ее важность. Чем больше мы занимаемся текущими делами, тем больше для нас важны люди и их поступки; но если мы обратим свой взгляд в историю, то тут же становится очевидной та важная роль, которую играет география.

Роберт Каплан

Пролог Границы

Вопросы о будущем хорошо задавать, имея возможность не спеша путешествовать по странам и континентам...

Когда на горизонте показались первые холмы, куполами возвышавшиеся посреди пустыни на севере Ирака, за которыми располагалась гряда гор-трехтысячников, поросших дубами и рябиной, мой водитель, курд по национальности, обернулся, взглянул на расстилавшуюся иссушенную равнину и процедил с презрением: «Арабиستان». Затем, посмотрев на холмы, с восторгом прошептал: «Курдистан», – и его лицо засияло. Шел 1986 г., рассвет режима Саддама Хусейна в Ираке...

Но стоило нам углубиться в тесные, подобно тюремным камерам, долины, в запретные ущелья, как вездесущие щиты с ликом диктатора внезапно исчезли, а вместе с ними и иракские солдаты. На смену им пришли курдские *pesh mergas* – воины в тюрбанах, одетые в мешковатые штаны, подпоясанные кушаком, с нагрудным патронташем, идущие на смерть за независимость Курдистана. Если следовать политической карте мира, то мы не покидали территорию Ирака, но даже Саддаму Хусейну было не под силу победить горы.

Горы по сути своей консервативны. В узких ущельях они сохраняют местные культуры в первозданном виде, оберегая их от агрессивных современных идеологий, которые слишком часто отравляли жителей равнин, а в наше время они еще и предоставляют убежище идеологическим повстанцам и наркоторговцам.² Антрополог Йельского университета Джеймс Скотт утверждает, что «народности, проживающие в горах, зачастую представляются как беглецы, изгои, как сообщества отшельников, которые на протяжении вот уже двух тысячелетий спасаются от притеснений и гонений, неизбежно сопровождающих образование государств в долинах и на равнинах.³ Именно на равнине реакционный режим Николае Чаушеску впился в глотку местному населению. Я несколько раз бывал в Карпатах в 1980-х гг., и мне редко где доводилось видеть признаки коллективизации. Для этих гор, именуемых «задней дверью» Центральной Европы, характерны были в большей степени дома, возведенные из дерева и камня, а не из железобетона – любимого строительного материала эпохи Чаушеску.

Карпаты, опоясывающие Румынию, являются такой же границей, как и горы Курдистана. Начав свое путешествие по Карпатам с запада, со стороны мрачной и таинственно пустынной венгерской Пушты с угольно-черной почвой и океаном лимонно-зеленой травы, я постепенно прощался с европейским миром, созданным некогда блистательной Австро-Венгерской империей. Теперь путь мой лежал в значительно более отсталую часть планеты, где когда-то правила пришедшая к концу своей жизни в полный упадок Османская империя. Именно благодаря границе в виде Карпат и стал возможен восточный деспотизм Чаушеску, гораздо более жесткий, чем довольно формальный «гуляш-коммунизм» времен Яноша Кадара в Венгрии.

И все же Карпаты были не таким уж и неприступным бастионом. На протяжении столетий множество купцов и всякого другого торгового люда прокладывали себе и своим това-

² Black J. Maps and History: Constructing Images of the Past. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1997.

³ Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2009.

рам едва заметные тропы высоко в горах, доставляя жителям гор самую различную мануфактуру, а с ней и более высокую культуру процветавшей в то время Центральной Европы. Именно таким образом по другую сторону Карпат, в таких центрах местной цивилизации, как Бухарест и Руссе, все же пустило корни робкое и очень жалкое подобие европейской культуры. Однако, вне всякого сомнения, эти горы действительно представляли собой некую переходную ступень, первую на длинной лестнице, ведущей на Восток и оканчивающейся на великой Аравийской пустыне и пустыне Каракумы.

В один прекрасный день в 1999 г. поздно вечером в столице Азербайджана, городе Баку, расположенном на западном побережье Каспийского моря, я сел на торговое судно, идущее до города Красноводск⁴ в Туркменистане – на восточном берегу Каспийского моря. Места эти в III в. н. э. персы-сасаниды называли Туркестаном. Наутро моему взору открылась довольно тонкая неясная береговая линия: белесые бараки на фоне безжизненных глинистых крутых холмов. Всем пассажирам приказали построиться в один ряд перед воротами с облупившейся краской, где один-единственный пограничник не спеша стал проверять наши паспорта. Стояла 40-градусная жара. Затем нас провели в пустой ангар, который под огненными лучами солнца раскалился до немыслимой температуры. Там другой пограничник, обнаружив мои таблетки от расстройства желудка, обвинил меня в контрабанде наркотиков. Он взял мой фонарик, достал из него батарейки и выбросил на грязный пол. Выражение его лица было таким же мрачным, как и окружающий нас ландшафт. В городе, вид на который открывался за ангаром, не наблюдалось ни одного тенистого уголка, где можно было бы спрятаться от палящих лучей солнца: удручающе однообразные горизонтальные плоскости городской застройки и ни единого намека на хоть какие-то архитектурные изыски. Я вдруг с тоской вспомнил Баку: городские стены, воздвигнутые персами в XII в., сказочные дворцы первых нефтяных королей, украшенные фризами и горгульями, – внешний архитектурный лоск западной цивилизации, который оказался невероятно живучим, несмотря на такие преграды, как Карпаты, Черное море и высота Кавказских гор. Путешествуя все дальше на восток, я видел, как Европа постепенно сдавала свои позиции, словно испаряясь под палящим солнцем. Естественная граница в виде Каспийского моря представляла собой последний рубеж, возвещая о приближении пустыни Каракумы.

Конечно же географическое положение не доказывает полной безнадежности положения, в котором находится Туркменистан. Скорее, в данном случае следует говорить о зарождении рациональности в поиске исторических закономерностей, связанных с постоянными вторжениями парфян, монголов, персов, царской России, Советского Союза и огромного количества тюркских племен на эту голую беззащитную землю. Едва ли в таких суровых климатических условиях, на такой безжизненной земле могла полноценно существовать какая-либо цивилизация. Никому так и не удавалось надолго закрепиться в этих диких и непростых для проживания местах, которые первоначально произвели на меня далеко не самое приятное впечатление.

Местность вздымалась вверх грядой холмов, и то, что за секунду до этого казалось единой массой песчаника, рассыпалось лабиринтами пересохших речных русел и складок местности всех оттенков серого и зеленовато-коричневого. На восходе вершины холмов окрашивались бледной желтизной, а на закате приобретали красноватый оттенок. Прохладный ветерок внезапно проскользнул в автобус через некую щель, принеся с собой поток

⁴ В 1993 г. город переименован в Туркменбаши в честь первого секретаря Компартии Туркмении и пожизненного президента Туркменистана Сапармурата Ниязова. Бывшее русскоязычное название города, Красноводск, – это перевод местного топонима Кызыл-Су, из-за того что в воде Красноводского залива было много планктона с отчетливым розовым оттенком. – Здесь и далее, если не указано иное. – *Прим. ред.*

так необходимой мне свежести, позволив почувствовать приближение дыхания воздуха гор, такого желанного после удушающей жары Пешавара, в Северо-Западной пограничной провинции⁵ Пакистана. Сами по себе размеры Хайберского прохода не очень-то впечатляют. Наивысшая его точка находится на высоте не более 2000 м над уровнем моря, и склоны его довольно пологи. Однако не прошло и часа пути по закрытой со всех сторон вулканической преисподней, созданной Всевышним из скал и извилистых ущелий, как я (а это было в 1987 г.) попал из богатого зеленью тропического Индостана в холодные, голые, пугающие своими пустынями бескрайние просторы Центральной Азии. Из мира чернозема, ярких тканей и полной невообразимых ароматов кухни я попал в страну песка, грубой шерсти и козлиного мяса.

Но, подобно Карпатам, через перевалы которых торговцы переносили культуру из одной страны в другую, география на границе между Пакистаном и Афганистаном также не преминула преподать человечеству немалый урок. То, что англичане первыми назвали Северо-Западной пограничной провинцией, исторически никакой ни пограничной, ни провинцией не было и в помине, как считает Сугата Бозе, профессор из Гарварда. А были эти места центром, можно даже сказать, сердцем «индийско-персидского» и «индийско-исламского» мира. Именно так и можно объяснить, почему Афганистан и Пакистан в целом воспринимаются многими историками как единое органичное целое, хотя на политической карте мира это два разных государства.⁶

Хотя существовали в истории человечества еще более искусственные и нелепые границы...

По пути в Восточный Берлин в 1973 и 1981 гг. мне дважды довелось пересечь Берлинскую стену. Бетонное ограждение высотой 3,6 м, увенчанное широкой трубой, с западной стороны отсекало кварталы турецких и югославских иммигрантов – будто бы запечатленные на черно-белой пленке унылые картины бедности. С восточной же стороны взору открывались заброшенные здания с многочисленными шрамами Второй мировой войны на фасадах. С запада в любом месте можно было подойти и прикоснуться к стене, разукрашенной граффити. С востока путь преграждали минные поля и сторожевые вышки, на которых дежурили автоматчики.

Каким бы сюрреалистическим ни казался этот тюремный двор посреди города в самом центре Европы, в то время никому он не казался противоестественным, так как все были убеждены в том, что холодная война никогда не закончится. Особенно в это верили люди моего поколения, выросшие во время холодной войны и не видевшие своими глазами Вторую мировую. Для нас, каким бы произволом, какой бы несправедливостью стена ни казалась, она стояла «на века», подобно некой горной гряде, возникшей в природе много тысяч лет назад. Историческая правда всплывала лишь из книг и старых политических карт Германии, которые (во многом по воле случая) я начал изучать в первые месяцы 1989 г., находясь на редакционном задании в Бонне. Книжки и карты поведали мне вот о чем...

Находясь в самом центре Европы, между Северным и Балтийским морями с одной стороны и Альпами – с другой, немцы, согласно историку Голо Манну, всегда представляли собой некую динамическую силу, замкнутую в «большую тюрьму». Эта немецкая сила из всей мочи старалась найти себе выход. Но, будучи ограниченными с севера и юга морем и горами, вырваться немцы могли, только двинувшись на восток или на запад, где серьез-

⁵ С апреля 2010 г. провинция называется Хайбер-Пахтунхва.

⁶ *Bose S. A Hundred Horizons: The Indian Ocean in the Age of Global Empire. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2006.*

ных географических препятствий не наблюдалось. «Что характерно для Германии на протяжении вот уже 100 лет, так это отсутствие постоянных границ, нестабильность ее территории», – пишет Манн. Он имеет в виду беспокойный век с 1860-х по 1960-е гг., отмеченный вначале увеличением территорий при Бисмарке, а затем катастрофическими результатами двух мировых войн.⁷ Но абсолютно то же можно сказать о размерах и границах Германии практически на протяжении всей истории ее существования.

Первый рейх был основан Карлом Великим в 800 г. и представлял собой огромную, не имеющую постоянных размеров территорию. В разное время он включал в себя современные Австрию, части Швейцарии, Франции, Бельгии, Голландии, Польши, Италии и Югославии. Казалось, самой судьбой было предначертано, чтобы Европой управляли с той территории, которая сейчас соотносится с Германией. Но вот по прошествии веков приходит Мартин Лютер и вносит раскол в западное христианство Реформацией, что, в свою очередь, разжигает костер Тридцатилетней войны, которая в основном прошла каленым железом именно по территории Германии. В результате вся Центральная Европа – в руинах. В ходе своего редакционного задания мне пришлось изучить много материалов о немецком противостоянии XVIII в. между Пруссией Гогенцоллернов и Австрией Габсбургов. Я прочел множество документов о таможенном союзе различных немецких государств первой половины XIX в., об объединении Германии Отто фон Бисмарком вокруг Пруссии в конце XIX в. И чем больше я читал, тем становилось понятнее, что Берлинская стена – это всего лишь очередной этап в продолжающемся процессе территориальных преобразований великого германского государства.

Режимы, прекратившие свое существование после падения Берлинской стены (в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и т. д.), я знал не понаслышке. Я там бывал и в командировках, и в качестве туриста. Вблизи такие монолитные, такие устрашающие. Их скоротечное падение послужило для меня сигналом, преподало мне очередной урок, не только подчеркнув реальную слабость диктатур, но и показав, насколько мимолетно настоящее, каким бы вечным оно ни казалось. Единственное, что остается всегда неизменным, – расположение народов на карте мира. Во времена смуты, военных переворотов политические карты приобретают особую важность. Когда под чьими-то сапогами рушатся устои власти, карта, хотя и не являясь определяющим фактором, тем не менее представляет собой источник мудрости, начало понимания исторической логики событий, возможности предугадать, что может произойти дальше.

Главное впечатление от демилитаризированной зоны (ДМЗ) между двумя Кореями можно выразить одним словом: насилие. В 2006 г. я видел, как южнокорейские солдаты стоят, окаменев, будто бойцы тхеквондо: сжав кулаки, согнув руки в локтях, уставившись на лица своих северокорейских врагов. С каждой стороны для этого задания были отобраны самые высокие солдаты самого устрашающего вида. Однако показательная ненависть друг к другу, результатом которой стали многочисленные заграждения из колючей проволоки и минные поля, в будущем, хоть и не близком, но все же станет историей. Если взглянуть на сценарии, по которым развивались события в других разделенных странах в XX в. (Германия, Вьетнам, Йемен), становится ясно, что, как бы долго ни просуществовали они порознь, победа оказывалась на стороне объединяющего начала и зачастую это происходило насильственно и стремительно. ДМЗ представляет собой искусственную границу безо всякой географической логики, которая делит этнически единую нацию в том месте, где две противоборствующие армии решили передохнуть. Подобно тому как была объединена Германия,

⁷ Mann G. The History of Germany Since 1789 / Translated by Marian Jackson. London: Chatto & Windus, 1968.

когда-нибудь объединится и Корея. Мы можем ожидать этого или хотя бы помнить об этом, строя планы. Вновь на определенном этапе доминантными окажутся культура и география. Искусственные границы, которые не совпадают с границами естественными, как правило, чрезвычайно уязвимы.

Мне неоднократно доводилось пересекать границы между такими непростыми соседями, как Иордания и Израиль, Мексика и США, равно как и многие другие границы между самыми разными государствами. Но сейчас я зову читателя в другое путешествие (иное по своей природе) по выбранным страницам истории и политологии, которые дожидались нас на протяжении десятилетий, а в некоторых случаях и столетий. Они, эти страницы, и знание географии дадут нам возможность лучше понимать политическую карту мира, читать «между строк», видеть, пусть еще нечетко, контуры политического будущего тех или иных регионов. За минувшие годы я пересек немало границ и стал интересоваться судьбой государств, через которые мне доводилось странствовать.

Собственная журналистская деятельность на протяжении 30 лет убедила меня, что всем нам нужно вернуть восприимчивость к понятиям времени и пространства, которая была утрачена в эпоху реактивных скоростей в информационный век, когда некие влиятельные граждане летают через океаны и континенты за считанные часы, рассказывая нам затем о «плоском мире».⁸ Это не для меня. Я познакомлю читателя с решительно немодными мыслителями, которые выступают категорически против тезиса, что *география больше не имеет никакого значения*. В первой части нашего литературного путешествия я постараюсь изложить основные положения их теорий, опустившись в них на максимальную глубину, чтобы во второй части применить их мудрость на практике, проанализировать уже случившееся и предугадать будущее Евразии – от Европы до Китая, включая Ближний и Дальний Восток и Индостан. Осознать, что утрачено нами в понимании физической реальности, узнать, как оно было утрачено, восстановить его, замедлив темп путешествия и размышлений, прибегнув к богатой эрудиции уже ушедших от нас ученых, – вот главная цель нашего похода.

География в переводе с греческого языка означает «описание земли». Это слово всегда ассоциировалось с определенной данностью и, следовательно, носило на себе определенное клише. Говорят, «мыслить географически» – означает ограничивать свой выбор средств к пониманию окружающего нас мира. Но я полагаю, что работа с таким инструментарием, как карты рельефа и сводки демографических исследований, позволит выйти на новый уровень сложности в анализе внешней политики и таким образом обнаружить возможность более глубокого и широкого понимания мира. Вам нет нужды становиться фанатом географии, чтобы осознать всю ее важность. Чем больше мы занимаемся текущими делами, тем больше для нас важны люди и их поступки; но если мы обратим свой взгляд в историю, то тут же становится очевидной та важная роль, которую играет география.

Удачный пример тому – Ближний Восток.

Пока я пишу эти строки, огромный регион от Марокко до Афганистана находится в эпицентре сильнейшего политического кризиса, в котором оказались местные правящие круги. Население этих стран больше не хочет мириться с авторитарными режимами, хоть и путь к демократии далеко не так сладок. Первая фаза развития конфликта на Ближнем Востоке засвидетельствовала поражение географии из-за огромного влияния коммуникационных технологий. Спутниковое телевидение и социальные сети, бурлящие революцией

⁸ Намек на книги известного американского журналиста Томаса Фридмана «Плоский мир. Краткая история XXI века» («The World Is Flat: A Brief History of The Twenty-first Century») и «Жаркий, плоский, многолюдный: Кому нужна “зеленая революция” и как нам реконструировать Америку» («Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution- And How It Can Renew America»), посвященные глобализации.

в интернете, создали единое пространство людей, протестующих в арабском мире. Таким образом, сторонники демократии в таких, казалось бы, разных государствах, как Египет, Йемен и Бахрейн, могут за считанные минуты почерпнуть революционное вдохновение от событий, происходящих в Тунисе. Следовательно, можно говорить об общности политической ситуации во всех этих странах. Но по мере того, как разворачивались протесты, становилось очевидно, что в каждой из этих стран ситуация развивается по-разному, что, в свою очередь, обусловлено историей и географией данной страны. Чем больше мы узнаем об истории и географии государств Ближнего Востока, тем меньше мы удивляемся происходящим там событиям.

Тот факт, что народные волнения начались именно в Тунисе, можно считать случайностью лишь отчасти. На карте, отображающей состояние дел во времена античности, четко видна концентрация поселения людей в местах, где сегодня расположено государство под названием Тунис. С другой стороны, на территории современной Ливии, равно как и на территории Алжира, в античные времена люди практически не жили. Выдаваясь своими землями вглубь Средиземного моря, по направлению к Сицилии, Тунис был центром Северной Африки не только во времена Карфагена и Древнего Рима, но и при вандалах, Византии, средневековых государствах арабов и турков. Когда Алжир на западе, а Ливия на востоке только начинали зарождаться как государства, Тунис уже слыл центром цивилизации с многовековой историей. (Что касается Ливии, то ее западный регион – Триполитания – был на протяжении истории ориентирован на Тунис, в то время как восточный регион – Киренаика-Бенгази – ориентирован на Египет.)

В течение не одного тысячелетия, чем ближе к Карфагену (территория современного Туниса, за некоторым исключением), тем выше уровень развития. Урбанизация в Тунисе продолжается вот уже 2000 лет, в то же время развитие племенной идентичности, основанной на номадизме (который, кстати, по мнению средневекового историка Ибн Хальдуна, подрывал политическую стабильность), становится все меньше. Действительно, после того как в 202 г. до н. э. римский полководец Сципион Африканский разбил Ганнибала за пределами Туниса, он вырыл демаркационный ров – *fossa regia*, – который отмечал границы цивилизованного мира. Граница эта актуальна на Ближнем Востоке и сегодня. Кое-где еще различимая, она проходит от Табарки, города, расположенного на северо-западном побережье Туниса, на юг, поворачивая непосредственно к Сфаксу, еще одному средиземноморскому порту на востоке. Города, оказавшиеся за этой линией, испытывали на себе меньшее влияние Рима, и сегодня они продолжают оставаться более бедными, менее развитыми, с исторически более высоким уровнем безработицы. Городок Сиди-Бузид, где в декабре 2010 г. началось арабское восстание, когда продавец из овощной лавки поджег себя в знак протеста, расположен как раз за линией Сципиона.

Тут нет никакого фатализма. Я всего-навсего ввожу текущие события в историко-географический контекст: арабское восстание началось в тех местах, которые исторически наиболее развиты в арабском мире и ближе всего расположены к Европе. Однако беспорядки начались в той части государства, которая со времен Античности игнорировалась и как результат оставалась на более низком уровне экономического развития.

Такого рода знания могут помочь в понимании того, что происходит и в других частях Ближнего Востока: будь то в Египте – еще одном очаге цивилизации с такой же длинной историей государственности, как и Тунис; или, к примеру, в Йемене, демографическом центре Аравийского полуострова. Стремление этой страны к единству подрывается слишком растянутой территорией и гористым рельефом. Эти два фактора сильно ослабляют центральную власть в государстве и, таким образом, повышают роль племенных структур и сепаратистских группировок в управлении страной. Или возьмем в качестве другого примера такую страну, как Сирия, чья усеченная форма на карте в реальности хранит в себе различия,

основанные на этническом происхождении и вероисповедании людей, здесь живущих уже на протяжении многих веков.

География отчетливо показывает, что Тунис и Египет естественным образом связаны между собой. В меньшей мере связанными являются Йемен, Сирия и Ливия. Следовательно, Тунис и Египет нуждаются в умеренной авторитарной власти, чтобы сохранять целостность, в то время как Ливия и Сирия нуждаются в более жестких формах правления. А вот относительно Йемена можно сказать, что в силу географических особенностей управлять этим государством исключительно трудно. Йемен был и остается тем, что европейские ученые XX в. Эрнест Геллнер и Робер Монтань назвали сегментарным обществом. Это край с типичным для Ближнего Востока ландшафтом: горы и пустыни. Кидаясь из одной крайности в другую (к примеру, от централизации к анархии), такие общества, по словам Монтаня, характеризуются режимами, высасывающими жизнь из региона, хотя и ввиду собственной хрупкости неспособными закрепиться на длительный срок. Тут сильны племена, а центральная власть достаточно слаба.⁹ Попытки установить либеральный режим в таких местах не должны быть оторваны от специфики реалий.

Чем больше мы уважаем карты, тем меньше мы делаем ошибок, не только принимая решения, когда вмешиваться, а когда не стоит этого делать, но и планируя вторжения или военные операции, когда все-таки решим принять участие в конфликте.

По мере того как возрастает количество политических протестов и волнений, а мир все труднее поддается контролю, возникают бесконечные вопросы, как США и их союзники должны ответить на брошенный им вызов. География открывает путь к осмысленному ответу. Разворачивая старые карты, прислушиваясь к словам географов и геополитиков прошлых эпох, я хочу докопаться до правды в процессе XXI в., как делал это в конце XX столетия. Ведь даже если мы посылаем спутники за пределы Солнечной системы, даже если киберпространство не знает границ, то горы Гиндукуш¹⁰ все еще остаются грозным гигантским барьером.

⁹ Gellner E. Muslim Society. New York: Cambridge University Press, 1981.

¹⁰ Гиндукуш – одна из высочайших горных систем Азии на стыке Памира, Каракорума и Гималаев, простирающаяся с юго-запада на северо-восток по территориям Афганистана, Таджикистана и Пакистана на 700 км.

Часть I Провидцы

Глава 1 От Боснии до Багдада

Для того чтобы снова в полной мере ощутить географию планеты, мы должны вернуться к тому моменту в новейшей истории, когда это чувство было потеряно, понять, почему так произошло, и разобраться в том, как это изменило наши взгляды на окружающее. Конечно, чувство это притуплялось постепенно. Но наиболее отчетливо его утрата стала ощутимой для меня сразу после падения Берлинской стены. Разрушение этой искусственной границы должно было заставить нас с большим уважением относиться к географии и географической карте мира. Оно также должно было изменить наше отношение к событиям на Балканах и Ближнем Востоке, которые эта карта могла бы помочь предвидеть. Однако падение Берлинской стены все же не позволило разглядеть географические преграды, все еще разделяющие нас или те, с которыми нам еще суждено было столкнуться.

Неожиданно мы очутились в мире, где разрушение созданной человеком границы, разрезающей на две части Германию, породило мнение, что все, что разделяет людей, можно преодолеть. Что демократия покорит и Африку, и Ближний Восток, как это произошло в Восточной Европе. Что «глобализация», слово, которое совсем скоро стало доноситься отовсюду, – это новый вектор в истории человечества и система международной безопасности, а не то, чем она являлась на самом деле: всего лишь очередной экономической и культурной стадией развития цивилизации. Просто представьте: только что была повержена тоталитарная идеология, в то время как система внутренней безопасности в США и Западной Европе воспринималась как должное. Везде воцарилась видимость мира.

С удивительной проницательностью передавая дух того времени, за несколько месяцев до падения Берлинской стены бывший заместитель начальника Отдела стратегического планирования Госдепартамента США Френсис Фукуяма опубликовал статью под названием «Конец истории», в которой утверждалось, что, хотя в мире еще будут происходить войны и вооруженные восстания, история в гегелевском ее понимании уже окончена, поскольку успешность капиталистических стран с либерально-демократическим режимом положила конец спорам о том, какая из форм правления больше подходит для человечества.¹¹ Таким образом, вопрос был только в том, чтобы перекроить мир по нашему образу и подобию, иногда при помощи американских войск, что в 1990-х не вызывало бурных протестов общества. Эта первая стадия осознания мира после окончания холодной войны была наполнена иллюзиями. То было время, когда слова «реалист» и «прагматик» были ругательными, неся в себе отвращение к военному вмешательству во имя гуманных целей в тех местах, где национальные интересы, в их общепринятом и узком понимании, казались неясными. Куда лучше было называться «неоконсерватором» или «либералом-интернационалистом», поскольку их считали хорошими, умными людьми, которым только и хотелось, что остановить геноцид на Балканах.

¹¹ Fukuyama F. The End of History // *The National Interest*. – Washington. – 1989. – Summer (в русском переводе: Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии*. – 1990. – № 3. – С. 84–118). Отдельное издание: *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press, 1992 (в русском переводе: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007).

В США и раньше случались такие вспышки идеализма. После победы в Первой мировой войне солидную популярность приобрело «вильсонизанство». Это понятие, ассоциируемое с именем президента Вудро Вильсона, как оказалось впоследствии, имело мало общего с реальными целями европейских союзников США в войне и еще меньше – с насущными проблемами Балкан и Ближнего Востока. Как потом показали события 1920-х гг., демократия и освобождение от господства Османской империи в том регионе означали главным образом обострение национального самосознания среди народов в отдельных частях бывшей империи. Нечто подобное произошло и по окончании холодной войны, которая, как казалось многим, должна была просто принести свободу и процветание под знаменами «демократии» и «свободного рынка». Многие предполагали, что даже Африка, беднейший и наименее стабильный континент, также изнывающий под бременем искусственных границ, противоречащих логике, могла оказаться на пороге демократической революции. Казалось, распад Советской империи в самом сердце Европы имел первостепенное значение для наименее развитых стран мира, отделенных от СССР тысячами километров моря и пустыни, но в пределах досягаемости для сигнала телевидения.¹² Тем не менее, как и после окончания Первой и Второй мировых войн, конец холодной войны принес человечеству куда меньше демократии и мира, нежели последующая борьба за существование.

Кто бы мог подумать, что демократия и новые формы правления на самом деле станут возникать как раз в отсталой Африке. Но их зарождение перемежалось затяжной и непростой борьбой, с анархией и государственными переворотами, а иногда и откровенными злодеяниями (как, например, в Руанде). Африке пришлось пройти долгий путь от 9 ноября 1989 г. до 11 сентября 2001 г. – от падения Берлинской стены до терактов «Аль-Каиды» в Пентагоне и Всемирном торговом центре. Этот путь длиной в 12 лет, наполненный массовыми убийствами и запоздалыми гуманитарными миссиями, разочаровывал интеллигенцию с ее идеалистическими взглядами на устройство мира. С другой стороны, некоторый успех военного вмешательства Запада в происходившие в Африке трагедии вознес эту «идеалистическую чрезмерную гордость за содеянное добро» к высотам, которым, к большому сожалению, суждено будет обернуться настоящей катастрофой после событий 11 сентября.

В течение 10 лет после теракта 11 сентября 2001 г. география, определенно сыгравшая свою роль в отношениях с Балканами и Африкой в 1990-х гг., внесла полную сумятицу в добрые намерения Америки по поводу Ближнего Востока. Соединенным Штатам пришлось проделать непростой политический путь от Боснии до Багдада. От ограниченной наземной операции при поддержке авиации в западной, наиболее развитой части бывшей Турецкой империи на Балканах до массированного вторжения сухопутных войск в восточной, наименее развитой ее части, в Месопотамии. Эти драматические события обозначили границы либерального мышления на Западе, одновременно повысив степень уважения политиков к географической карте.

Холодная война на самом деле окончилась в 1980-х гг., еще до падения Берлинской стены, с возрождением термина «Центральная Европа». Несколько позднее Тимоти Гартон-Эш, журналист и ученый, работающий в Оксфордском университете, дал этому термину следующее определение: «политико-культурная противоположность “Советскому Востоку”».¹³ «Центральная Европа» была больше идейным образованием, нежели географической областью. Она представляла собой концентрированное воспоминание об оживленной, восхитительно суматошной и романтической европейской цивилизации, напоминающей о мощных улочках и остроконечных крышах, о винах с тонким букетом, венских кафе

¹² Randal J. C. In Africa. Unrest in One-Party States // *International Herald Tribune*. – Paris. – 1990. – March 27.

¹³ Garton Ash T. Bosnia in Our Future // *New York Review of Books*. – 1995. – December 21.

и классической музыке, о великодушной гуманистической традиции, вдохновлявшей острые и электризирующие течения модернистского искусства и философии. Она воскрешала в памяти Австро-Венгерскую империю, имена Густава Малера, Густава Климта и Зигмунда Фрейда, а также глубокое уважение к идеям и сподвижникам Эммануила Канта и голландско-еврейского философа Баруха Спинозы. В самом деле, понятие «Центральная Европа», помимо всего прочего, обозначало и интеллектуальный центр европейской культуры до разрушительных действий нацизма и последующей за этим идеологической раздробленности, и экономическое развитие, связанное с воспоминанием о Чехословакии перед Второй мировой войной как о стране с более высоким уровнем индустриализации, чем Бельгия. Со всем ее упадничеством и нравственным несовершенством она означала зону относительной многонациональной толерантности под крылом милостивой, хотя и с каждым годом все менее дееспособной империи Габсбургов.

На последней стадии холодной войны «Центральная Европа» была на короткое время воскрешена в памяти профессором Принстонского университета Карлом Шорске на страницах его классического труда «*Fin-de-Siecle Vienna: Politics and Culture*» («Вена на рубеже веков. Политика и культура»), а также итальянским писателем Клаудио Магрисом в его великолепной книге-эссе «*Danubio*» («Дунай»), сентиментальном путешествии от истоков великой реки до Черного моря. Для Магриса «Центральная Европа» – это чуткость, восприимчивость, которая «предполагает защиту от любого тоталитарного зомбирования». Для венгерского писателя Дьердя Конрада и чешского писателя Милана Кундеры «Центральная Европа» обозначает нечто «благородное», универсальный ключ, позволяющий сделать либеральными политические устремления.¹⁴

Понятие «Центральная Европа» в 1980–1990-х гг. подразумевало, что географический фактор связан с культурой в той же степени, что и с горными хребтами, и определенно так же сильно, как с советскими танками. Идея «Центральной Европы» была ответом географии на холодную войну, в которой термин «Восточная Европа» относился к той половине Европы, которая была тесно связана с СССР. Восточная Германия, Чехословакия, Польша и Венгрия – все эти страны справедливо считались частью «Центральной Европы» и поэтому не должны были оставаться в зависимости от Москвы как главного штаба стран Варшавского договора. По иронии судьбы всего несколько лет спустя, когда в Югославии вспыхнула межэтническая война, «Центральная Европа» из символа единения вдруг превратилась в символ раздора – в сознании людей «Балканы», по сути, географически переместились из «Центральной Европы» на Ближний Восток.

Балканы всегда несли на себе печать сходства с Турецкой и Византийской империями, находившимися в окружении непокорных горных хребтов, которые преграждали путь развитию, в связи с чем эти государства имели более низкий уровень жизни. От находившихся неподалеку земель бывшей Габсбургской империи и Прусского королевства их, казалось, отделяли сотни лет развития цивилизации. На протяжении существования блока стран – участниц Варшавского договора Балканские страны, такие как Румыния и Болгария, в действительности прозябали в такой нищете и подвергались таким репрессиям, каких никогда не знала северная, «центральноевропейская» половина Советской империи. Ситуация, конечно, была осложнена определенными обстоятельствами. Послевоенная ГДР из всех стран Варшавского договора была в наибольшей степени жестко организована, в то время как в Югославии, которая формально не входила в эту организацию, имелась такая степень свободы, особенно в городах, которая была немыслима, например, для Чехословакии. И

¹⁴ Schorske C. E. *Fin-de-Siecle Vienna: Politics and Culture*. New York: Knopf, 1980 (в русском переводе: Шорске К. Э. Вена на рубеже веков: политика и культура / Пер. с англ. под ред. М. В. Рейзина. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001). Magris C. *Danube*. New York: Farrar Straus Giroux, 1986. P. 268 (в русском переводе: Магрис К. Дунай. Главы из книги // *Иностранная литература*. – 2004. – № 3).

все же в общем и целом страны Юго-Восточной Европы, входившие ранее в состав Турецкой и Византийской империй, были больше связаны с Советским Союзом и имели свободы меньше, нежели страны бывшей католической Европы Габсбургов, вследствие того, что правящие здесь режимы периодически допускали разного рода идеи радикального либерального популизма. В связи с этим путешествие из относительно либеральной, хотя и социалистической, Венгрии под властью Кадара в Румынию, управляемую тоталитарным режимом, возглавляемым Чаушеску, было весьма показательным.

Я совершил эту незабываемую поездку в 1980-х гг. Как только поезд пересек границу между двумя странами, то первое, что сразу же бросилось в глаза, было качество строительных материалов, из которых возводили дома в Венгрии и в Румынии. Представители румынских властей тут же перерыли и перевернули вверх дном мой багаж и заставили дать взятку за мою пишущую машинку; бумага в туалете исчезла, а освещение стало тусклым. Влияние «Центральной Европы» на Балканы неоспоримо, но и влияние расположенного в непосредственной близости Ближнего Востока имеет здесь немалое значение. Пыльные степи с мрачными и обдуваемыми ветрами местами общественного пользования (совсем как в Малой Азии) были характерной особенностью Косова и Македонии, где не найдешь культурной праздничности и яркости, так свойственных Праге и Будапешту. Так что тот факт, что вспышка насилия наблюдалась в этнически многоликой Югославии, а скажем, не в таких этнически однородных центральноевропейских государствах, как Венгрия и Польша, вовсе не случайность и не воля неких зловещих личностей преступного мира. Здесь тоже явно не обошлось без истории и географии.

Тем не менее, выставляя «Центральную Европу» неким этическим и политическим ориентиром, а не просто географической областью, либерально настроенная интеллигенция, как, например, Гартон-Эш, один из наиболее красноречивых авторов десятилетия, предлагала идею не только Европы, а и всего мира как объединяющей, а не разобщающей силы. С этой точки зрения, не только Балканы нельзя оставлять на прозябание в условиях процветающего варварства и экономической отсталости; так по большому счету нельзя поступать ни с одним регионом на планете – с Африкой, например. Падение Берлинской стены должно не только сказаться на жизни Германии, а скорее воплотить мечту о «Центральной Европе», которую вынашивал мир. Этот гуманистический подход был сутью идеи космополитизма, мирового гражданства, который в 1990-х гг. нашел поддержку как у либералов-интернационалистов, так и у неоконсерваторов. Помнится, до того как приобрести печальную известность из-за поддержки войны в Ираке, Пол Вулфовиц и Ричард Перл были сторонниками военного вмешательства в Боснии и Косове, что, по сути, означало объединение усилий с либералами, как, например, Гартон-Эшем и журналом *New York Review of Books*, сочувствующим левым идеям. Путь в Багдад этих лет был вымощен военным вмешательством на Балканах, против чего выступали реалисты и прагматики, пусть даже эти кампании и оказались в итоге безусловно успешными.

Страстное желание спасти мусульман Боснии и Косова началось с тоски по романтической «Центральной Европе», как по реальному месту, так и по всему, связанному с ней, что в трогательных тонах рисовало воображение. Возрождение такой «Центральной Европы» в конечном счете должно было показать, каким образом нравственность и гуманизм возвеличивают красоту.

Гуманистические труды Исаяи Берлина передают дух интеллектуальной мысли 1990-х гг.

«*“Ich bin ein Berliner”*»,¹⁵ – любил говорить я, имея в виду, что я поклонник Исаяи Берлина», – писал Гартон-Эш в своих проникнутых грустью мемуарах о времени, проведенном

¹⁵ Игра слов, построенная на немецкой фразе *Ich bin ein Berliner* («Я – один из берлинцев») – ставшей культовой заключе-

в Восточной Германии.¹⁶ Теперь, когда марксистские утопические идеи отвергнуты как ложные, Берлин оказался идеальным отрезвляющим элементом, действующим против модных монистических теорий, которые 40 лет доминировали в академической сфере. Берлин буквально ровесник XX в. Он преподавал в Оксфорде и всегда отдавал предпочтение не политическим экспериментам, а буржуазному прагматизму и «компромиссам, которые помогали приспособляться к сложившимся обстоятельствам».¹⁷ Он ненавидел географический, культурный и любой другой детерминизм, не желая оставлять кого бы то ни было на произвол судьбы. Его взгляды, сформулированные в статьях и лекциях, публиковавшихся на протяжении всей его жизни, часто не встречали никакой поддержки в академических кругах. В них был выражен умеренный, сдержанный идеализм, который критиковал как марксизм, так и мысль, что свобода и безопасность – удел только избранных народов и не положены другим. Его философия и идеалы «Центральной Европы» прекрасно друг друга дополняли.

И хотя та «Центральная Европа», о которой ясно говорили эти мудрые и красноречивые мыслители, на самом деле являлась благим основанием и должна была оказывать определенное влияние на внешнюю политику всех западных стран, как будет показано далее, на пути оказалось препятствие, с которым вынужден был иметь дело и я.

Есть одна проблема со всем этим восторженным идеализмом, нелицеприятный факт, который часто придавал трагическую окраску идее «Центральной Европы» на протяжении всей ее истории. Просто такого образования, как «Центральная Европа», на географической карте нет. И здесь в игру вступают сторонники географического детерминизма, чьи голоса звучат так резко и мрачно по сравнению с кротким голосом Берлина, в частности голоса человека из эдвардианской эпохи, сэра Хэлфорда Маккиндера, и его последователя Джеймса Фейргрива, для которых в идее «Центральной Европы» есть «фатальная географическая ошибка».

По мнению Маккиндера и Фейргрива, в «Центральной Европе» расположена «зона разлома», разделяющая Европу на морские державы с их «океаническими интересами» и мощным флотом и на «центральную евразийскую часть с ее континентальным вектором». Одним словом, со стратегической точки зрения «Центральной Европе» нет места на политической карте мира, по мнению Маккиндера и Фейргрива.¹⁸ Из их трудов следует, что чрезмерное воспевание «Центральной Европы» и вполне объяснимое участие в нем либерально настроенной интеллигенции говорят лишь о передышке в эре геополитики или хотя бы о желании такую передышку получить. Тем не менее падение Берлинской стены не положило конец геополитике, да и не могло этого сделать. Это событие всего лишь ознаменовало ее новую стадию. Простым усилием воли невозможно заставить исчезнуть столкновение интересов государств и империй по всему миру.

Позже я рассмотрю работу Маккиндера более детально и уделю особое внимание его тезису о «Хартленде», о так называемом «сердце мира» или «земле сердцевины». Сейчас же достаточно сказать, что заявленная более 100 лет назад теория, как оказалось, могла объяснить ход Первой и Второй мировых войн, логику развития холодной войны. Отбросив все лишнее, мы поймем, что в ходе обеих войн решался вопрос, будет ли Германия доминировать на территории «Хартленда» в Евразии, на землях, которые располагались к востоку.

чительной фразой из исторической речи американского президента Джона Кеннеди 26 июня 1963 г. перед Шёнебергской ратушей в Западном Берлине.

¹⁶ *Garton Ash T. The File: A Personal History. New York: Random House, 1997.*

¹⁷ *Ignatieff M. Isaiah Berlin: A Life. New York: Holt, 1998.*

¹⁸ *Parker W. H. Mackinder: Geography as an Aid to Statecraft. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 201. Sinnhuber K. A. Central Europe-Mitteuropa-Europe Central: an Analysis of a Geographical Term // Transactions of the Institute of British Geographers. – 1954. – V. 20. Butler Dugan A. Mackinder and His Critics Reconsidered // The Journal of Politics. – 1962. – May.*

В ходе холодной войны, с другой стороны, решался вопрос о доминировании Советского Союза над Восточной Европой – западной окраиной «Хартленда» у Маккиндера. Советская Восточная Европа включала в себя, кстати, и Восточную Германию, исторически – регион Пруссии, которая всегда с жадностью поглядывала на восточные земли, земли «Хартленда». А в состав НАТО входила Западная Германия, исторически католическая. Территория развитой промышленности и коммерции, Западная Германия ориентировалась на Северное море, на Атлантику. Известный американский географ времен холодной войны, Коэн отмечает, что «граница, отделяющая восток от запада Германии... одна из древнейших в мире». Ведь именно там проходил раздел между племенами франков и славян. Другими словами, искусственности в разделении Германии не было. Западная часть, согласно Коэну, была «прекрасным примером прибрежной Европы», в то время как восток принадлежал «европейскому континенту». Коэн поддерживал разделение Германии как «геополитически оправданное и стратегически необходимое», так как это являлось стабилизирующим фактором в долгой войне между прибрежными и континентальными европейскими территориями.¹⁹ Маккиндер, в свою очередь, еще в 1919 г. оставил пророческое замечание: «Граница по Германии... та самая линия, проведенная по землям, разделяющая “Хартленд” и прибрежные территории».²⁰ Как видим, разделение Германии было не таким уж искусственным, в отличие от разделения Берлина, которое являлось таковым на все 100 %.

Сол Коэн называл «Центральную Европу» «пустой географической оболочкой без геополитической сущности».²¹ Объединение Германии, согласно такой логике, вряд ли привело к возрождению «Центральной Европы», скорее, к возобновлению битвы за Европу в целом, а соответственно, и за «Хартленд» Евразии. Другими словами, куда Германия в первую очередь повернет: на восток – к России, что будет иметь последствия для Польши, Венгрии и других бывших стран – сателлитов СССР, или на запад – к Великобритании и США, обеспечив победу прибрежным территориям? Мы все еще не знаем ответа на этот вопрос: слишком мало времени прошло с момента окончания холодной войны. Коэн и другие не могли с точностью предвидеть, что объединенная Германия будет отличаться изрядным пацифизмом, «неприятием военных методов разрешения проблем», которое существует на глубинном культурном уровне. В будущем, в зависимости от обстоятельств, это может помочь стабилизировать или же, наоборот, дестабилизировать обстановку на континенте.²² Именно потому, что Германия занимает территорию в центре Европы как сухопутная держава, немцы всегда с уважением относились к географии и стратегии как к механизмам выживания. Такое отношение может помочь немцам в дальнейшем отказаться от присущего им на данный момент квазипацифизма. Вопрос на сегодняшний день стоит следующим образом, может ли объединенная Германия выступить в качестве балансирующего начала, находясь между Атлантикой и евразийским «Хартлендом», воплотив в реальность новую смелую интерпретацию культурного пространства «Центральной Европы», наполнив понятие «Центральная Европа» геополитическим стабилизирующим смыслом? Это вызвало бы больше доверия к Гартону-Эшу и иже с ним, а не к Маккиндеру и Коэну.

В итоге сможет ли «Центральная Европа», идеал терпимости и цивилизованности, противостоять стремительному натиску в новой борьбе за власть на континенте? Потому что такая борьба в центре Европы неотвратима. Вызывающая живой интерес культура «Центральной Европы» конца XIX столетия, которая казалась такой привлекательной с точки

¹⁹ *Cohen S. B. Geography and Politics in a World Divided. New York: Random House, 1963.*

²⁰ *Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington: National Defense University, 1942.*

²¹ *Cohen, Geography and Politics in a World Divided.*

²² *Gray C. S. Another Bloody Century: Future Warfare. London: Weidenfeld & Nicolson, 2005.*

зрения конца последующего, XX в., по сути, представляла собой закат лишенной сентиментальности специфической имперской и геополитической реальности, а именно – Австрии Габсбургов. Либерализм в конечном счете основывается на власти. Может быть, излишне мягкой, благодушной, но тем не менее власти.

Однако сторонники военного вмешательства в этнические конфликты 1990-х гг. не закрывали глаза на борьбу за власть, и в их глазах «Центральная Европа» утопией не являлась. Скорее реставрация «Центральной Европы» посредством прекращения массовых убийств на Балканах послужила негромким, но осмысленным призывом к грамотному использованию западной военной мощи с целью обеспечения значимости победы в холодной войне. В конце концов, чем была холодная война, как не методом обеспечить индивидуальные свободы для всех и каждого? «Для либерально настроенных интернационалистов Босния стала чем-то сродни Испанской гражданской войне наших дней», – отмечает историк, автор многих книг по международным отношениям и проблемам прав человека, биограф Берлина Майкл Игнатъевф, описывая отношения интеллигенции к войне на Балканах из собственного опыта.²³

Обращение к человеческому фактору и, как следствие, поражение детерминизма стали для них жизненно важной необходимостью. В этой связи вспоминается отрывок из «Улисса» Джойса, когда Леопольд Блум сокрушается по поводу «обстоятельств родовых, определяемых законами природы, кои отличны от человеческих»: «опустошительных эпидемий», «катастрофических катаклизмов» и «сейсмических потрясений». На что Стивен Дедал едко подтверждает «собственную значимость как сознающего и рассуждающего животного...».²⁴ Но злодеяния все же случаются, так устроен мир, а потому не стоит все видеть только в темных тонах. Человек, рационально мыслящий, должен, нет, просто обязан бороться против страданий и несправедливости.

Итак, с «Центральной Европой» в качестве путеводной звезды дорога повела Запад на юго-восток, в Боснию, затем – в Косово, а дальше – в Багдад. Конечно, многие интеллектуалы, которые поддерживали интервенцию в Боснию, противились таковой же в случае с Ираком – или же как минимум были настроены довольно скептически в этом отношении. Но неоконсерваторов и прочих это не отпугнуло. Как мы увидим в дальнейшем, Балканы стали примером успешного военного вмешательства, хоть и запоздалого. Все обошлось практически без жертв со стороны военных. Поэтому многие пришли к ошибочному выводу, что ныне будущее всех войн за безболезненными победами. Минувшие 1990-е, с запоздалыми вмешательствами, были, по словам Гартон-Эша (с горькой аллюзией на Уистена Одена²⁵), «позорным десятилетием», как и 1930-е гг.²⁶ Справедливо, впрочем, что в остальном отношении они были гораздо более комфортными.

В то время, в 1990-е гг., действительно казалось, что история и география охладили многие горячие головы. Однако всего через два года после падения Берлинской стены со всеми неисторическими и всеобщими восторгами, которые последовали за вышеупомянутым событием, мировые СМИ внезапно оказались среди дымящихся руин и развалин разрушенных городов с трудно произносимыми названиями в приграничных районах бывших Австрийской и Османской империй. Эти районы назывались Славония и Военная Краина,

²³ Ignatieff M. Homage to Bosnia // *The New York Review of Books*. – 1994. – April 21.

²⁴ Joyce J. Ulysses. New York: Modern Library, 1934 (Джойс Дж. Улисс. Здесь и далее цитируется в переводе В. Хинкиса, С. Хоружего).

²⁵ Ссылка на поэму Уистена Одена «Сентябрь, 1, 1939», которая начинается строками: I sit in one of the dives On Fifty-second Street Uncertain and afraid As the clever hopes expire Of a low dishonest decade... («Я сижу в забегаловке / На Пятьдесят второй / Улице; в зыбком свете / Гибнут надежды умников / Позорного десятилетия...») – Перевод А. Сергеева).

²⁶ Garton Ash T. Kosovo and Beyond // *New York Review of Books*. – 1999. – June 24. He was referring to a line in Auden's poem, September 1, 1939 (Цитируется в переводе А. Сергеева), published in 1940.

и им довелось испытать на себе все ужасы вооруженного противостояния, которого Европа не видела со времен нацистов. От легковесных разглагольствований о глобальном единстве мировая элита теперь была вынуждена перейти к тяжелым дискуссиям о невероятно запутанной истории межэтнических отношений на местах, находящихся всего в нескольких часах езды по Среднедунайской равнине от Вены, самого сердца «Центральной Европы». Согласно географической карте, Южная и Восточная Хорватия, у реки Сава, представляют собой южную окраину Европейской равнины, которая является предвестником целого ряда горных кряжей, расположенных за рекой Сава и известных под собирательным названием Балканы. Географическая карта, на которой ясно видно большое зеленое пятно от Франции до России (от Пиренеев до Урала), вдруг на южном берегу реки Сава становится желтым, а далее коричневым, территориями, расположенным на большей высоте в юго-восточном направлении до самой Малой Азии. Этот регион, у подножия гор, был пограничьем империй Габсбургов и Османов, тут западное христианство уступает место восточному православию и исламу – тут Хорватия граничит с Сербией.

Военная Краина представляет собой бывшую буферную зону, которую создали австрийцы, пытаясь противодействовать турецкой экспансии в XVI в. Краина в те тяжелые для балканских христиан времена превратилась в убежище как для сербов, так и для хорватов, которые спасались бегством от гнета турок. Таким образом, этот регион стал полиэтническим, а с развалом Австро-Венгерской империи после Первой мировой войны произошла дальнейшая эволюция моноэтнических общин. Хотя сербы и хорваты были объединены в годы между двумя мировыми войнами в Королевство сербов, хорватов и словенцев (1918–1929 гг.), во время нацистской оккупации противостояние между ними обострилось: хорватское пронацистское марионеточное государство уничтожило десятки тысяч сербов в концентрационных лагерях. После окончания Второй мировой войны сербы и хорваты еще раз оказались в одном государстве – Югославии, авторитарной коммунистической стране под руководством маршала Тито. В 1991 г. Югославия распалась, а сербские войска вторглись в Славонию и Краину, ставших местом этнических чисток, массового убийства сербами хорватов. Позже, когда хорваты вновь заняли этот регион, этнические сербы были вынуждены спасаться бегством в Сербию. С сербско-хорватской границы война перекинулась на территорию Боснии, где сотни тысяч людей были убиты с ужасающей жестокостью.

История и география тут тесно переплелись, но ни профессионалы-журналисты, ни интеллектуалы не придавали этому большого значения. На то у них были свои, подчас очень весомые причины. Во-первых, откровенный ужас и отвращение к происходящему. И снова обратимся к Гартону-Эшу:

«Какой урок мы можем вынести из событий в бывшей Югославии?.. Мы узнали, что человеческая природа не изменилась; что Европа конца XX столетия так же способна на варварство, как и во времена холокоста середины XX в. Нашими западными политическими мантрами были “интеграция”, “культурное многообразие” или, если быть несколько старомодным, “плавильный котел”. Бывшая Югославия была противоположностью. Это был гигантский “сепаратор”. Вращением огромного винта разделялись народы, в то время как кровь стекала через фильтр».²⁷

Вслед за этими драматическими событиями последовали обвинения в попустительстве со стороны Запада. Обвинения в потакании Слободану Милошевичу, коммунисту, который, чтоб удержаться при власти после падения Берлинской стены, сохранить виллы, охотничьи

²⁷ Garton Ash T. Cry, the Dismembered Country // *New York Review of Books*. – 1999. – January 14.

угодья и прочие привилегии, перекрасился в ярого националиста, устроив некое подобие холокоста на Балканах. Аналогия с потаканием Гитлеру в Мюнхене в 1938 г. в 1990-х стала актуальной.

На самом деле боязнь нового Мюнхенского сговора не была нова. Именно она послужила одной из основных причин решения освободить Кувейт от оккупации страны Саддамом Хусейном в 1991 г. Не останови мы Саддама тогда в Кувейте, он бы вторгся в Саудовскую Аравию и начал контролировать добычу нефти в мировом масштабе, игнорируя права человека в регионе. Но на сербскую агрессию в Хорватии и Боснии в 1991–1993 гг. ответа не последовало. Обвинения в попустительстве снова заставили международную общественность вспомнить Мюнхен.

Аналогии с Мюнхеном вновь становятся актуальными после длительного периода мира и процветания, когда тяготы войны остались далеко позади и казались абстрактными. В частности, в 1990-х Америка уже успела подзабыть трудности наземных военных операций в Индокитае 20-летней давности. Вспоминая Мюнхен, мы начинаем мыслить глобально, заботиться о мире в целом, о жизнях других людей и часто будем слышать эти слова в ответ на неудачную попытку остановить геноцид в Руанде в 1994 г. Но вопрос Мюнхена встал ребром при подготовке военных операций НАТО, запоздалых, но эффективных, в Боснии в 1995-м и в Косове в 1999 г. Противники нашей интервенции на Балканы проводили аналогии с Вьетнамом, но риск оправдался, и именно на Балканах в 1990-е призрак Вьетнама навсегда был изгнан в небытие (или же так в то время считали и писали)^{28, 29} Военная сила, которую так во времена Вьетнама ненавидели, стала синонимом мира. «Война против геноцида должна вестись со всей жестокостью, – писал Леон Визельтир, литературный редактор американского журнала о политике, литературе и искусстве *The New Republic*. – Чтоб остановить геноцид, прибегать к силе нужно в первую очередь, а не в качестве последней меры». Визельтир продолжил свое выступление против необходимости стратегий выхода из гуманитарных миротворческих операций:

«В 1996 г. Энтони Лэйк, замученный и робкий советник по безопасности президента Клинтона зашел настолько далеко, что возвел в ранг закона “доктрину стратегии выхода”: прежде чем отправлять наших солдат воевать за границу, мы должны четко представлять, как и когда мы их оттуда будем выводить. Лэйк одним из главных условий использования

²⁸ У меня тоже есть что сказать относительно таких запоздалых вмешательств. Моя книга «Балканские призраки» (*Balkan Ghosts: A Journey Through History*) оказалась одним из факторов при принятии Биллом Клинтонем решения не посылать наземные войска в 1993 г. и отложить миссию НАТО на Балканах на несколько лет. «Балканские призраки», записки из моего личного опыта пребывания на Балканах в 1980-х, впервые появились еще в процессе написания в *The Atlantic Monthly* перед падением Берлинской стены. Затем, в июне 1991 г., третья глава (о Македонии) вышла в *The Atlantic*. Согласно высказыванию бывшего чиновника из Госдепартамента, на которое ссылается *The Washington Post* (February 21, 2002), та статья послужила «спусковым крючком для развертывания баз миротворцев ООН в бывшей Югославии». И хотя в 1990 г. в докладе ЦРУ предупреждалось о развале Югославии, Государственный департамент это «отрицал... пока не вышла в свет статья Каплана». Так получилось, что развертывание корпуса из 1500 миротворцев в Македонии смогло предотвратить то, что позже случилось в Косове и Боснии. «Балканские призраки» были изданы книгой в марте 1993 г. Тогда же я опубликовал статью про Балканы в *Reader's Digest*, где отмечал следующее: «Пока мы не в состоянии разорвать круг ненависти и мести, силой защищая право на самоопределение и права меньшинств, победа в холодной войне бессмысленна. Любая помощь, всяческие дипломатические усилия, любая сила, если будет использоваться, должна быть направлена на освобождение народов Югославии от насилия». Вскоре я призвал к интервенции по телевидению, равно как и со страниц *The Washington Post* раздела *Outlook* от 17 апреля 1994 г., то есть за год до нашего вторжения. В «Балканских призраках» показана ужасная картина этнических взаимоотношений в юго-восточной части Европы, но ведь только в самых ужасающих случаях происходят вмешательства: никогда не следует идеализировать результат действий человека от имени и во имя всего человечества. Мы хорошо усвоили это в Ираке: если решился вмешаться, то действуй без оглядки, решительно. И хотя мои книги и статьи читали как президент, так и многие другие, никто из администрации Клинтона не связывался со мной относительно моей работы и ее применимости для принятия решений в отдельных ситуациях. — *Прим. авт.*

²⁹ См. примечание автора в сноске в тексте главы.

военной мощи США поставил условие всезнания. Доктрина «стратегии вывода» по своей сути противоречит природе войны, а на более высоком уровне – исторической логике в целом. Во имя предосторожности она отрицает возможность случайностей в человеческих отношениях. Ведь знание о том, чем и как все закончится, не может быть дано изначально».³⁰

В качестве примера Визельтир приводит Руанду, когда миллион тутси были убиты во время геноцида 1994 г.: «...трясина затягивания войск Запада в конфликт, вмешайся мы хоть как-то, чтоб предотвратить убийства, – писал он, – была бы гораздо более предпочтительна, чем то, что в итоге получилось». Визельтир, который, подобно Гартону-Эшу, был одним из моральных авторитетов десятилетия, с сожалением и разочарованием высказывался относительно ограниченности и запоздалости авиаударов НАТО с целью избавить албанцев-мусульман в Косове от политики выталкивания и уничтожения, проводимой Милошевичем. Авиаудары наносились по сербским городам, тогда как, по словам руководства миссии, было необходимо наземное военное вторжение для освобождения косовских городов. Нерешительность Клинтона стала причиной огромного бедствия. «Политика идеализма, – писал Визельтир, – свелась к преодолению последствий катастрофы. Туда, где должны были быть наши пули, мы поставляли одеяла». Клинтон, по его словам, изобрел способ ведения войны, когда «наши солдаты не умирают... трусливая война с использованием точечных технологий, которая оставляет спокойной совесть и не понижает рейтинги». Он предсказал, что «этот век неприкосновенности не продлится вечно. Рано или поздно США придется отправить своих солдат туда, где те будут страдать от ран и умирать. Что будет иметь действительно значение, так это справедлива ли высшая цель, а не насколько она опасна».³¹

На самом деле, вторжение в Ирак вышло на повестку дня в 1990-х, когда американская армия казалась непобедимой перед какими-либо силами истории и географии, было бы только достаточно времени и возможностей использовать всю полноту военной мощи, в том числе и наземное вторжение. Идеалисты громко и неистово требовали интервенции в Сомали, Гаити, Руанду, Боснию, Косово, в то время как даже реалисты типа Брента Скоукрофта и Генри Киссинджера, известные своей бессердечностью, выступали за куда более сдержанный подход.

Хотя на самом деле 1990-е гг. не столько являлись периодом американской военной мощи в целом, сколько десятилетием полного превосходства в воздухе. Именно военно-воздушные силы сыграли решающую роль в победе над иракской армией в Кувейте в 1991 г. В этот раз география пришла на помощь высокотехнологичной войне, так как операции проводились в пустыне, где редко выпадают осадки. Решающую роль фактор воздушного превосходства сыграл и в разрешении конфликта в Боснии четыре года спустя, несмотря на все его недостатки, как и случае с борьбой против власти Милошевича. Этнические албанцы, беженцы, массово возвращались в свои дома, в то время как режим Милошевича неуклонно слабел, пока наконец не пал в 2000 г. «Мы не воюем в горах» – так в обобщенной форме звучал первоначальный отказ американских военных от участия в конфликте в Боснии и Косове. Но оказалось, что при условии полного превосходства в воздухе наши солдаты могут также превосходно воевать в горах. География было подняла голову на Балканах, но наша воздушная мощь быстро с этим справилась. Затем настал черед ВВС и морской авиации патрулировать свободные от полетов зоны, заставив Саддама добрый десяток лет сидеть в бун-

³⁰ Wieseltier L. Force Without Force: Saving NATO, Losing Kosovo // *The New Republic*. – Washington. – 1999. – April 26 and May 3.

³¹ Wieseltier L. Winning Ugly: The War Ends, Sort Of. The Peace Begins, Sort Of // *The New Republic*. – Washington. – 1999. – June 28.

кере. Как можно увидеть, представители политической элиты, верившие в силу американской армии, испытывали неприятие политики администрации Буша-старшего и Клинтона, когда те отказались задействовать вооруженные силы страны для спасения четверти миллиона людских жизней от геноцида на Балканах (не говоря уже о миллионе жизней в Руанде). Такие настроения могли, однако, свидетельствовать о духе авантюризма, присущего некоторым политическим деятелям. Это послужило причиной частичного отказа от проведения аналогий с Мюнхенским сговором в последующее десятилетие, равно как и восстановилось уважение к географии, утраченное было в 1990-е, когда карта рассматривалась (благодаря превосходству в воздухе) двумерно. Однако вскоре военным и политикам пришлось вновь вернуться к рассмотрению географических карт в трех измерениях – это произошло в горах Афганистана и в предательских улочках Ирака.

В 1999 г., выражая мнение либеральной части американской интеллигенции, Визельтир писал:

«Что интересно в отказе Клинтона включать в список военных целей устранение этого бандита [Слободана Милошевича], так это то, что он сам унаследовал от своего предшественника такой отказ включить в список еще одного бандита. В 1991 г. полмиллиона американских солдат стояли всего в нескольких сотнях километров от Багдада, а Джордж Буш не отдал им приказа взять город. Его генералы боялись больших потерь, они вели войну очень осторожно, не совершая никаких промахов. Они поддерживали тогда территориальную целостность Ирака, будто бы бедствия, постигшие страну после падения режима, были соразмеримы с теми ужасами, которые переживали курды на севере и шииты на юге, сохраняя страна свою целостность».³²

Случись так, что границы «Центральной Европы» простирались бы в Месопотамию, ситуация разворачивалась бы совсем иначе. Но в 2006 г., в ходе ужасной межконфессиональной резни в Ираке, которая последовала за падением режима Саддама Хусейна, Визельтир имел смелость признать, что «обеспокоен происходящим». Он отметил, что не может ничего сказать в оправдание своей позиции, несмотря на то что горячо поддерживает ведение военных операций. Он не был среди тех сторонников вторжения в Ирак, которые из всех сил тогда пытались оправдаться на страницах газет.³³

Я также поддерживал войну в Ираке, в печати и как член группы, которая убеждала администрацию Буша осуществить вторжение.³⁴ Я был поражен американской военной мощью на Балканах, и, опираясь на утверждения, что Саддам уничтожил больше людей, чем Милошевич, и что существовала угроза наличия оружия массового поражения, я посчитал вторжение обоснованным. Кроме того, я был журналистом, который слишком близко к сердцу принимал то, о чем писал: делая репортажи из Ирака в 1980-х, я своими глазами видел, насколько режим Саддама жестче режима того же Хафеза аль-Ассада в Сирии. Я был уверен, что Саддама надо свергнуть. Лишь затем стало известно, что многие политики выступали за вторжение в Ирак, руководствуясь интересами Израиля.³⁵ Но мой личный опыт в общении с неоконсерваторами и некоторыми либералами свидетельствует о том, что в тот период в их рассуждениях проблемы Боснии и Косова играли более значительную роль, чем

³² Wieseltier, *Winning Ugly: The War Ends, Sort Of. The Peace Begins, Sort Of.*

³³ Wieseltier L. *Useless // The New Republic.* – Washington. – 2006. – April 17.

³⁴ Woodward B. *State of Denial: Bush at War. Part III.* New York: Simon & Schuster, 2006. Pp. 84–85.

³⁵ Walt S., Mearsheimer J. *The Israel Lobby: and U. S. Foreign Policy.* New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.

проблемы Израиля³⁶.³⁷ Интервенция на Балканах, будучи стратегически более привлекательной, оправдывала идеалистический подход к международной политике. Вторжение 1995 г. в Боснию сменило тему дебатов с «Нужно ли сохранять НАТО?» на «Нужно ли расширять НАТО?». Война 1999 г. в Косове и события 11 сентября 2001 г. послужили толчком к расширению НАТО до Черного моря.

Для немногих идеалистов Ирак служил продолжением их беспокойных переживаний в 1990-е гг. Однако выглядело это (хоть во многом и на подсознательном уровне) как полное пренебрежение географией, ибо военная мощь США ослепляла тогда очень многих. То было время, когда некоторые западноафриканские страны, такие как Либерия и Сьерра-Леоне, считались вполне подходящими кандидатами на установление в них демократических режимов. И это несмотря на царящее там насилие, а также на то, что в плане государственных институтов они были гораздо менее развиты, чем тот же Ирак. Но на самом деле только при скрытой поддержке вооруженных сил или, точнее, военно-воздушных сил идеи универсализма перевесили исторический и местный опыт людей, живущих на этих территориях.

Мюнхен сыграл свою роль и в подходе к тому, как быть с Саддамом Хусейном после событий 11 сентября. И хотя американцы пережили нападение на собственной территории, сравнимое с Перл-Харбором, в наземных войнах на протяжении четверти века страна обладала опытом минимальным, если не сказать – негативным. Более того, Саддам был не просто еще одним диктатором, а настоящим тираном прямо из Месопотамской древности, который к тому же обладал, как тогда считали, оружием массового поражения. В свете событий 11 сентября (как и в свете истории с Мюнхенским соглашением) нас бы не простили, если бы мы промолчали, не предприняв никаких действий.

Когда боязнь повторения Мюнхена привела к переоценке собственных сил, злободневной стала еще одна аналогия, которая прежде казалась неактуальной, – Вьетнам. Так начался следующий этап интеллектуального осмысления периода истории после окончания холодной войны.

На этом этапе, который приблизительно совпадает по времени с первым десятилетием XXI в. и периодом непростых войн в Ираке и Афганистане, термины «реалист» и «прагматик» приобрели позитивную коннотацию, обозначая тех, кто изначально скептически относился к американской аванюре в Месопотамии. А вот «неоконсерватизм» стал объектом осмеяния. В 1990-х гг. этнические и религиозные противостояния в отдаленных уголках планеты понимались как препятствия, которые «хорошие парни» должны были преодолеть – иначе они рисковали получить прозвище «фаталистов» или «детерминистов». Но вот уже в следующее десятилетие такие противостояния стали рассматривать как факторы, которые могли – и должны были – предостеречь нас от попыток военного вмешательства. И если хочется выбрать тот момент в истории, когда боязнь повторения Вьетнама оказалась сильнее, чем боязнь повторения Мюнхена, то это будет 22 февраля 2006 г. В этот день в иракском городе Самарра экстремистами-суннитами из «Аль-Каиды» была взорвана главная шиитская мечеть аль-Аскари, что послужило началом массовой межконфессиональной резни в Ираке, которую американские солдаты просто были не в состоянии остановить. Перед лицом ужасающей ненависти и полного хаоса наши сухопутные силы оказались абсолютно бес-

³⁶ Израиль во время событий 11 сентября 2001 г. подвергался частым террористическим атакам, поэтому вполне естественно, что Америка сочувствовала этому государству. Требования прекратить поселения на оккупированных арабских территориях возобновятся позже. Во время же подготовки к иракской войне я писал, что козь Буша ждет успех в Ираке и он останется на второй срок президентом, то он должен «прекратить владычество Израиля над тремя миллионами палестинцев на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа»; ситуация характеризовалась мной как «исключительно постыдная». *A Post-Saddam Scenario // The Atlantic Monthly*. – Boston. – November, 2002. – *Прим. авт.*

³⁷ См. примечание автора в сноске в тексте главы.

помощными. Миф о всемогущей американской армии, родившийся в Панаме и во времена Первой войны в Персидском заливе, немного пострадавший в Сомали, но восстановленный сполна в Боснии, Косове и на Гаити, разбился вдребезги, как и сопутствовавший ему идеализм.

В то время как история с Мюнхенским соглашением учит нас универсализму, заботе обо всем мире, о жизнях людей на всей планете, то Вьетнам – наша внутренняя боль. Это забота о себе после того, как 58 000 наших парней погибли в той войне. Вьетнам говорит нам, что избежать трагедии можно, лишь будучи готовым к худшему. Он остужает пыл, показывая, как все может пойти не так. Несомненно, именно миссионерские чувства завели США так далеко в конфликте в Юго-Восточной Азии. Америка ведь тогда жила в мире и после окончания Второй мировой войны процветала как никогда раньше. Однако в это же время Вьетнам твердо встал на путь социализма, что шло в корне вразрез с принципами нашей демократии. Какая же тогда война могла быть более справедливой, чем эта? О географии, о расстоянии, о нашем собственном ужасном опыте войны в джунглях Филиппин в еще одной «неправильной» войне за 60 лет до этого – на рубеже XX в. – при вторжении во Вьетнам об этом как-то не думали.

Вьетнам – аналогия, которая приходит на ум вслед за болью всей нации. Реализм вовсе не увлекателен и не захватывает. С ним начинаешь считать только после того, как отсутствие реального, трезвого взгляда на проблему значительно ухудшает ситуацию. Действительно, посмотрите на Ирак: 5000 погибших американских солдат (более 30 000 тяжело раненных) и, наверное, сотни тысяч убитых иракских жителей. Потрачено более триллиона долларов. Если бы Ирак и стал условно стабильной демократией, негласным союзником США, затраты были бы настолько большими, что, как говорят, даже в таком случае стало бы затруднительно рассматривать это как успех. Война в Ираке подорвала ключевой элемент в мышлении многих людей на планете: что Америка, мол, показывает силу только ради восстановления справедливости. Но многие после Ирака поняли, что использование силы любым государством, даже таким свободолюбивым, как США, не обязательно справедливо и добродетельно.

Восстановившееся уважение к реализму возродило интерес к философу XVII в. Томасу Гоббсу, который воздаст хвалу моральным преимуществам страха, а в насилии анархии видит основную угрозу обществу. Для Гоббса боязнь насильственной смерти является краеугольным камнем просвещенного эгоизма. Установив государственный строй, люди перестают опасаться насильственной смерти – всеобъемлющего, общего страха, – заменяя его страхом смерти в случае нарушения закона. Это трудно усвоить горожанину, представителю среднего класса, который очень давно утратил связь с естественным состоянием человека.³⁸ Но весь ужас насилия в распадающемся Ираке, который, в отличие от Руанды и Боснии в определенном смысле, был не результатом единовременного массового истребления людей, но результатом царства хаоса, позволил многим из нас отчетливо представить себе это естественное состояние. Томас Гоббс, таким образом, стал идеологом второго этапа периода нашей истории после холодной войны, равно как Исая Берлин был идеологом первого этапа^{39, 40}.

³⁸ Kaplan R. D. *Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos*. New York: Random House, 2002.

³⁹ Гоббс и Берлин велики благодаря некоторым оттенкам их философии. Философия Гоббса, возможно, несколько искажает представления о человечестве, но ведь он был и либералом-новатором, так как в его время обновление значило разрыв со Средневековьем через установление централизованного управления, что он представил в своем «Левиафане». Подобно этому, во время становления либерального гуманизма Берлин оставался реалистом, утверждая, что поиск безопасного укрытия и еды всегда будет идти перед требованием свободы. – *Прим. авт.*

⁴⁰ См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Чему же учит нас общий период после окончания холодной войны? Мы поняли, что тоталитаризм, с которым мы боролись десятилетия после Второй мировой войны, в редких случаях может быть предпочтительней ситуации безвластия. Оказалось, есть вещи похуже марксизма, и в Ираке мы столкнулись с ними. Я говорю это как человек, который поддерживал изменение тамошнего режима.

В марте 2004 г. я оказался в Camp Udari, военном лагере в самом сердце Кувейтской пустыни. Там как журналист я был прикреплен к батальону морской пехоты, который, как и остальные подразделения 1-й дивизии морских пехотинцев, готовились к марш-броску на Багдад и в Западный Ирак, с целью сменить 82-ю воздушно-десантную дивизию. Это был целый мир, состоящий из палаток, контейнеров, тентов-столовых, а также длинных рядов 7-тонных грузовиков и «хаммеров», простиравшихся до горизонта, в направлении на север. Огромный масштаб участия американцев в Ираке стал скоро очевиден. Разбушевалась песчаная буря. Дул ледяной ветер. Надвигался дождь. Машины встали. Мы толком и начать не успели свой путь длиною в несколько сотен километров до Багдада, как возникли проблемы. Этот путь, который всего несколько лет назад те, кто считал, что сместить Саддама будет так же просто, как сместить и Милошевича, называли тогда легкой прогулкой. Огромные лабиринты из гравия, пропахшие нефтью и бензином, были предвестниками первой остановки на пункте техобслуживания, одном из нескольких, сооруженных для обслуживания военного транспорта, который направлялся на север. Там же тысячи морских пехотинцев могли и перекусить. В темноте надсадно завывали двигатели и генераторы. Чтобы пересечь враждебную человеку пустыню и прибыть в город Фаллуджу, в 60 км к западу от Багдада, а также перевезти и сохранить все – начиная от бутылок с минеральной водой до готовой к употреблению пищи и инструментов, – потребовался не один день сложной работы служб тылового обеспечения. Всего лишь какие-то несколько сотен километров^{41, 42}. А ведь это была несложная и, самое главное, мирная часть американской миссии в Ираке. Конечно, было глупо полагать, что география больше не играла никакой роли.

⁴¹ Стоит отметить, что передовые отряды американской армии во время Первой войны в Персидском заливе приблизились к Багдаду до расстояния в 150 км. Но основная масса войск располагалась в Кувейте и Аравийской пустыне. – *Прим. авт.*

⁴² См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Глава 2

Месть географии

Фиаско первых лет в Ираке укрепило позиции реалистов, о которых в 1990-х идеалисты отзывались с неизменным пренебрежением. Именно реалисты утверждали, что нельзя недооценивать роль географии, истории и культуры, их влияние на возможность тех или иных действий в любом отдельно взятом месте. Однако противники вторжения в Ирак должны с осторожностью проводить аналогии с Вьетнамом, так как такая позиция может привести к изоляционизму, равно как и к политике умиротворения и, по словам ближневосточного ученого Фуада Аджами, к настроениям ожидания худшего. Давайте вспомним, что Мюнхенская конференция происходила всего лишь спустя 20 лет после кровавой бойни Первой мировой войны, заставив политиков-реалистов, таких как Невилл Чемберлен, пойти на сделку с дьяволом, чтоб избежать нового конфликта. Подобные ситуации открывают путь к интригам и махинациям со стороны деспотичных государств, которые не знают данных страхов, – таким как нацистская Германия и империалистическая Япония.

Говоря о Вьетнаме, мы подразумеваем ограничения, о Мюнхене – их преодоление. Любая аналогия сама по себе может быть опасной. И только баланс между этими двумя параллелями может породить правильную политику, ибо мудрый политик, осознавая ограниченные возможности своей страны, понимает, что искусство управлять государством состоит в том, чтобы балансировать на самом краю возможного, но при этом не переступить его грань.

Другими словами, настоящий реализм представляет собой в большей мере искусство, нежели науку, где характер политика имеет больше веса, чем его интеллект. И хотя реалистический подход уходит корнями на 2400 лет назад, к лишенной иллюзий в рассуждении о человеческой природе работе Фукидида «О Пелопоннесской войне», современный реализм, по-видимому, наиболее всесторонне описан в работе Ганса Моргентау в 1948 г. под названием «Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace» («Международная политика: борьба за власть и мир»). Позвольте мне немного более подробно остановиться на этой книге, написанной беженцем из Германии, преподавателем Чикагского университета, чтобы подготовить почву для обширного обсуждения географии, так как понимание реализма критично для умения читать карту, более того, реализм и приводит нас непосредственно к картам.

Ганс Моргентау начинает свои рассуждения с того, что мир «является результатом действия сил, свойственных человеческой природе». А человеческая природа, как отмечает Фукидид, мотивируется страхом (*phobos*), собственной выгодой, «барышом» (*kerdos*) и славой, мнением других (*doxa*). «Чтобы улучшить мир, – пишет Моргентау, – человек должен работать сообразно этим силам, а не противодействовать им». Таким образом, реализм принимает человеческий материал таким, каков он есть, каким бы далеким от идеала он ни был. «Он [реализм] ссылается на исторический прецедент, а не на абстрактные принципы, стремится творить скорее меньшее зло, чем абсолютное добро». Например, чтобы попытаться предвидеть будущее Ирака после уничтожения тоталитарного режима, реалист бы посмотрел на собственно историю Ирака, объясняемую через карты и конфигурацию этнических общин, а не на моральные заповеди западной демократии. В конце концов, благие намерения, согласно Моргентау, не всегда приводят к хорошему результату. Чемберлен, поясняет он, меньше руководствовался личными амбициями и соображениями собственной власти, чем большинство остальных политиков Великобритании, и искренне пытался добиться мира и счастья для всех. Но его политика привела к неисчислимым страданиям миллионов. Уин-

стоном Черчиллем же, с другой стороны, двигали, по сути, неприкрытые личные интересы и интересы собственной нации, но его политика привела к непревзойденным нравственным результатам. Пол Вулфовиц, бывший заместитель министра обороны США, исходил из самых благородных соображений, требуя вторжения в Ирак, откровенно считая, что это может улучшить ситуацию с правами человека в регионе, но его действия возымели абсолютно противоположный эффект. Тот факт, что за дело принимается держава, где царит демократия, еще не значит, что результат ее действий в сфере международной политики будет лучше, чем, скажем, результат действий диктаторского режима. Ведь необходимость заручиться поддержкой народа, как утверждает Моргентау, не может не снизить рациональность самой внешней политики. Демократия и моральность просто не есть синонимы. «Все народы подвергаются искушению навязать свои ценности и устремления в качестве нравственных стремлений всего человечества. И на продолжительное время лишь немногие могут устоять перед этим соблазном. Знать, что государства подчиняются нравственному закону, по утверждению Моргентау, – это одно, в то время как притязать на то, что знаешь наверняка, что хорошо, а что плохо в отношениях между государствами, – это совсем другое.

Более того, государства должны функционировать в еще более ограниченном моральном пространстве, чем собственно люди. Человек, по мнению Моргентау, может сказать себе: «Пусть погибнет мир, но свершится правосудие», – но государство не может вести себя подобным образом, оно должно действовать во имя людей, за которых несет ответственность.⁴³ Индивидуум отвечает только за тех, кого он считает близкими, кто простит ему его ошибки, ведь хотел-то он лучшего. Но государство внутри своих границ должно защищать благополучие миллионов людей, не знающих о существовании друг друга, которые в случае неудачи не отнесутся с таким же пониманием к полученным результатам. То есть государство должно быть гораздо «более лукавым», чем отдельная личность.

Человеческая природа, которая, по Фукидиду, является совокупностью страха, стремления к барышу и жажды славы, приводит к конфликтам и насилию. А поскольку реалисты, подобно Моргентау, ожидают конфликта и осознают, что его не избежать, они в меньшей степени, чем идеалисты, склонны слишком остро реагировать на него. Они понимают, что стремление властвовать и возвышаться является природной составляющей всех взаимодействий между людьми, а особенно взаимодействий между государствами. Моргентау цитирует американского политика XIX в. Джона Рэндолфа из Роанока, который утверждает, что власть можно ограничить только другой властью. Следовательно, реалисты не верят, что сами по себе международные организации необходимы для поддержания мира, ибо те являются отражением баланса сил между отдельными государствами-членами, который в конечном итоге и определяет, чему быть – войне или миру. И все же, согласно Моргентау, сама система политического равновесия между государствами, по сути, неустойчива: ведь каждое государство (поскольку беспокоится, не ошиблось ли оно в оценке баланса сил) всегда будет стремиться восполнить ущерб от воспринимаемых ошибок, постоянно нацеливаясь на наращивание преимущества. Именно это и стало причиной Первой мировой войны, когда Австрия Габсбургов, Германия кайзера Вильгельма I и царская Россия – все пытались склонить баланс сил на свою сторону и серьезно просчитались. Моргентау пишет, что в конечном итоге только благодаря существованию общечеловеческого нравственного сознания –

⁴³ *Morgenthau H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, revised by Kenneth W. Thompson and W. David Clinton. New York: McGraw Hill, 1948, 2006. *Thucydides. The Peloponnesian War*, translated by Thomas Hobbes (1629). University of Chicago Press, 1989 (русский перевод см.: *Фукидид. История / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Отв. ред. Я. М. Боровский* (Серия «Литературные памятники»). Л.: Наука, 1981). *Bakolas A. Human Nature in Thucydides*, Wellesley College, unpublished. *Kaplan R. D. Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos*. New York: Random House, 2001.

совести, которая рассматривает войну как «катастрофу», а не как естественное продолжение международной политики, — ограничивается количество войн.⁴⁴

После того насилия, которое имело место в Ираке в 2003–2007 гг., мы все заявляем, что стали реалистами, или убеждаем себя, что таковыми являемся. Но, учитывая определение реализма, которое предложил Моргентау, так ли это? Например, все ли, кто выступал против войны в Ираке с позиций реализма, также считают, что нет непосредственной связи между демократией и моралью? А Моргентау, который выступал против вьетнамской войны как с позиций нравственности, так и с позиции национальных интересов, и есть тот самый реалист, который нас всех устраивает. Ученый-интеллектуал, он никогда не жаждал власти и высокого положения в обществе в отличие от других реалистов типа Генри Киссинджера или Брента Скоукрофта. Более того, его сдержанному и едва ли не однообразному стилю изложения не хватает остроты Киссинджера или Самюэля Хантингтона. Проблема в том, и это несомненно, что реализм, даже в версии Моргентау, неудобен для политиков. Реалисты понимают, что в основе международных отношений лежат более приземленные и конкретные реалии, чем те, которые находятся в основе внутренней политики. В то время как внутренняя политика регулируется законами, поскольку легитимная власть имеет монополию на применение силы, мир как целое все еще живет по законам природы, где нет гоббсовского Левиафана, который карал бы за несправедливость.⁴⁵

Действительно, под внешним лоском цивилизации сокрыт темный мир человеческих страстей, и, таким образом, центральным вопросом в международной политике для реалистов стоит следующий: *Кто что кому может сделать?*⁴⁶

«Реализм чужд американской традиции, — однажды сказал мне Эшли Теллис, старший научный сотрудник фонда Карнеги за международный мир в Вашингтоне. — Он осознанно аморален, сфокусирован на интересах, а не на ценностях в мире, где мораль девальвируется. Но реализм не умрет никогда, ведь он является отражением фактической деятельности государств за ширмой риторики, на словах воспевающей демократические и общечеловеческие ценности».

Для реалистов порядок важнее свободы. Для них свобода приобретает значение только после того, как установлен порядок. В Ираке порядок, даже тоталитарного толка, оказался более гуманным, чем беспорядок, который сопутствовал свержению режима. А поскольку мировое правительство всегда будет труднодостижимым, а человечество никогда не договорится о фундаментальных принципах социального блага, мир обречен на то, чтоб им руководили различные режимы, а в некоторых местах сохранялись племенные или этнические уклады. Реалисты еще со времен Древней Греции и Древнего Китая вплоть до французского социолога середины XX в. Раймона Арона и его испанского современника Хосе Ортега-и-Гассета считали, что война естественно присуща человечеству, которое разделено на государства и группы.⁴⁷

⁴⁴ *Morgenthau. Politics Among Nations*, William Cabell Bruce. John Randolph of Roanoke. New York, G. P. Putnam's Sons, 1922, Vol II. *Mearsheimer J. J. The False Promise of International Institutions // International Security*. — Cambridge, Massachusetts. — 1994–1995. — Winter.

⁴⁵ *Hobbes T. Leviathan*, 1651, chapter 15 (русский перевод см.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. Глава XV. О других естественных законах).

⁴⁶ *Zakaria F. Is Realism Finished? // The National Interest*. — 1992–1993. — Winter.

⁴⁷ *Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations*. Doubleday, 1966 (в русском переводе см.: Арон Р. Мир и война между народами / Пер. с фр. под общ. ред. В. И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000); *Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses*. University of Notre Dame Press, 1985 (в русском переводе см.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. с исп. А. М. Гелескула. М.: АСТ, 2008).

Действительно, суверенитет и альянсы не возникают просто так, они вырастают из взаимных различий. В то время как сторонники глобализации акцентируют внимание на том, что нас объединяет, реалисты подчеркивают то, что нас разделяет.

И вот мы переходим к географической карте, которая представляет собой пространственное представление о разделении человечества и является предметом трудов реалистов прежде всего. Карты не всегда говорят правду. Они часто настолько же субъективны, насколько субъективным может быть фрагмент литературной прозы. Европейские названия для обширных просторов в Африке, по утверждению покойного британского географа, картографа и историка картографии Джона Харли, показывают, как картография может быть «дискурсом власти», в данном случае латентного империализма. На меркаторской проекции Европа кажется больше, чем есть на самом деле. Уже то, что каждая страна на карте ярко окрашена одним цветом, предполагает, что государственная власть имеет одинаковый контроль на всей территории страны – от центра и до самых окраин, что не всегда соответствует истине.⁴⁸ Карты материалистичны, а следовательно, в нравственном отношении нейтральны. Исторически они скорее часть прусского образовательного пространства, чем британского.⁴⁹ Другими словами, карты могут быть опасным инструментом. И все же без них невозможно понимание мировой политики. «На относительно стабильном фундаменте географии строится пирамида национального государства», – пишет Моргентхау.⁵⁰ Ибо, по существу, реализм опирается на признание самой неудобной, самой откровенной и самой детерминистической из возможных истин – географической правды.

География – фон для человеческой истории. Несмотря на искажения в картографии, география может раскрывать далеко идущие намерения правительств, так же как протоколы их тайных совещаний.⁵¹ Положение государства на карте – первое, что является определяющим, больше чем его политическая система. «Карта, – объясняет Хэлфорд Маккиндер, – с одного взгляда дает представление о целом ряде обобщений». География объединяет естественные и гуманитарные науки, связывая историю, культуру с природными факторами, которыми специалисты в области гуманитарных наук частенько пренебрегают.⁵² И хотя изучение любой карты может быть бесконечно интересным и по-своему очаровывающим, с географией, как и с реализмом в целом, трудно согласиться в полной мере. Ведь карты опровергают само понятие равенства и единства человечества, так как напоминают нам о разных природных условиях и связанным с ними неравенством людей, что во многих отношениях разобщают народы, приводя к конфликтам, на которых, собственно, и основан реалистический подход.

В XVIII–XIX вв., прежде чем политология появилась как отдельная научная дисциплина, география была уважаемой, пусть и не вполне формализованной наукой. В этой дисциплине политика, культура и экономика очень часто постигались и воспринимались с помощью рельефных карт. Согласно материалистической логике, горы и племена значат гораздо больше, чем мир теоретических идей. Или даже так, горы и люди, выросшие там, представляют собой реальность первого порядка, а идеи, какими бы реальными они ни казались, – всего лишь второго порядка.

Я убежден, что отдавая предпочтение реализму в самый разгар войны в Ираке, как бы трудно нам это ни далось – и как бы кратковременно это ни было, – мы на самом деле

⁴⁸ Black, *Maps and History: Constructing Images of the Past*, pp. 58, 173, 216.

⁴⁹ Mackinder H. J. *Democratic Ideas and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. Washington: National Defense University, 1942. Pp. 15–16.

⁵⁰ Morgenthau, p. 165.

⁵¹ Mahan A. T. *The Problem of Asia and its Effect Upon International Policies*. London: Sampson Low, Marston & Co., 1900. P. 56.

⁵² Parker, Mackinder: *Geography as an Aid to Statecraft*, p. 93, 130–131.

предпочли, сами того не осознавая, географию. Может, и не в ее явно империалистическом «прусском» понимании слова, а в менее жестком викторианском или эдвардианском смыслах. Именно *местью географии* можно назвать кульминацию второго этапа исторической эпохи, наступившей после окончания холодной войны. Этот этап последовал за поражением географии ввиду полного превосходства американской авиации в воздухе над зонами конфликта и триумфа гуманитарных интервенций, которые были характерны для конца первого этапа истории после завершения холодной войны. Таким образом, нас отбросило назад, на базовый уровень человеческого существования, где нам пришлось согласиться, что вместо постоянного улучшения мира, что ранее рисовалось в нашем воображении, мир, как и раньше, является ареной борьбы за выживание среди суровых лишений, которыми нас наградила география в таких местах, как Месопотамия и Афганистан.

Но все же даже в печальном приятии этого знания есть место для надежды: поскольку, приобретая опыт в чтении карт, мы при помощи современной технологии, как показала «арабская весна», в состоянии расширить границы возможностей, которые эти карты на нас накладывают. Это и есть цель моего исследования – показать, что, как ни парадоксально, а пользуясь картой, мы не должны становиться ее рабами. Потому что не только узость мышления ведет к политике изоляционизма, но и недостаточный учет необходимых ресурсов также способен привести назад к изоляционизму.

Итак, для начала мы должны признать центральное положение географии как дисциплины. «Природа налагает, а человек располагает», – писал английский географ Гордон Ист. Естественно, действия человека ограничены физическими параметрами, налагаемыми географией,⁵³ но эти границы слишком размыты, что дает человечеству достаточный простор для маневра, так как арабы, как оказывается, так же способны строить демократическое общество, как и любой другой народ, даже при том, что обширность территории, населенной ливийскими племенами, и горные цепи Йемена и дальше будут играть немаловажную роль в политическом развитии этих стран. География скорее «налагает», а не «располагает». География не есть синоним фатализма. Но, как и распределение экономической и военной мощи, она является основным ограничителем – и подстрекателем – действий государства.

Профессор Йельского университета Николас Спайкмен, великий американско-голландский специалист по военной стратегии эпохи начала Второй мировой войны, писал в 1942 г., что география не приводит доводы, она просто существует:

«География – наиболее фундаментальный фактор в международной политике государств, так как она наиболее неизменна, – продолжает он. – Министры приходят и уходят, даже диктаторы умирают, но горы стоят нерушимо. Вслед за Джорджем Вашингтоном, защищавшим 13 штатов с неорганизованной, плохо подготовленной армией, пришел Франклин Рузвельт, в распоряжении которого находились ресурсы всего континента. Но Атлантический океан все так же разделяет США и Европу, а порты на реке Святого Лаврентия зимой все так же скованы льдом. Российский царь Александр I “завещал” Иосифу Сталину, рядовому члену ВКП (б), не только власть и могущество, но и стремление выйти к морю, а Мажино и Клемансо унаследовали от Цезаря и Людовика XIV тревогу относительно незащищенных границ с Германией».⁵⁴

⁵³ East W. G. The Geography Behind History. New York: Norton, 1965 and 1967. P. 120.

⁵⁴ Spykman N. J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power / With a new introduction by Francis P. Sempa. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 2007. Pp. xv, 41.

Можно добавить, что, несмотря на события 11 сентября 2001 г., Атлантический океан не перестал играть главную роль в определении политики США. Более того, именно Атлантический океан диктует Америке необходимость проводить отличную от Европы политику как в международной, так и в военной области. То же самое мы в принципе можем сказать и о России. Эта страна и по сей день остается огромной и неустойчивой сухопутной державой, ставшей жертвой многочисленных военных вторжений с незапамятных времен, еще до нашествия монгольских орд в XIII в. Союзниками России всегда были ее просторы, суровые климатические условия и время. Это держава, которая постоянно пробивает себе выход к морю. А поскольку между Европой и Уральскими горами нет серьезной географической преграды, то Восточная Европа, несмотря на разрушение искусственного барьера в виде Берлинской стены, все еще рассматривает Россию как потенциальную угрозу, как это и было на протяжении многих веков. Также справедливым является утверждение, что Францию вечно беспокоили границы с Германией, от времен Людовика XIV до самого конца Второй мировой войны. Действительно, география лежит в основе событий человеческой истории. Не случайно колыбелью европейской культуры были Крит и Кикладские острова, так как первый, будучи «отдаленным кусочком Европы», ближе всего расположен к Египту, а вторые – к Малой Азии.⁵⁵ И Крит, и Киклады, будучи островами, были защищены морем от набегов и нашествий, что способствовало их многовековому процветанию. География лежит в основании столь многих фактов в международной политике, что мы их считаем само собою разумеющимися.

Что может быть более значительным фактом из истории Европы, чем то, что Германия – это континентальная держава, а Великобритания – островная? С запада и востока Германия не защищена горами, что привело к появлению таких ее крайностей, как традиционный милитаризм и поднимающийся в последние десятилетия пацифизм, которые объясняются кажущейся уязвимостью ее расположения. Великобритания же, которая всегда чувствовала себя в безопасности в своих границах и ориентировалась на Мировой океан, с другой стороны, смогла раньше остальных своих соседей выстроить демократическую систему и развивать особые трансатлантические отношения с США, с которыми говорит на одном языке. Александр Гамильтон отмечал, что не будь Великобритания островным государством, то ее военная машина была бы такой же влиятельной, как и у стран континента, а сама страна пала бы, скорее всего, «жертвой абсолютной власти одного человека».⁵⁶

Тем не менее все же Великобритания – это остров, очень близко расположенный к континентальной Европе, в связи с чем на протяжении всей своей истории страна опасалась вторжения с континента. Именно по этой причине Великобритания в течение многих столетий уделяла особое внимание политике Франции и Нидерландов, расположенных на противоположном берегу Ла-Манша и Северного моря.⁵⁷

Отчего Китай в конечном счете важнее Бразилии? Причиной тому географическое положение. Даже имея эти страны одинакового по размерам население и идентичный уровень экономического развития, Бразилия, в отличие от Китая, не контролирует основные морские пути, соединяющие океаны и континенты. Кроме того, Китай расположен преимущественно в умеренном поясе, а значит, климат там более пригоден для жизни по сравнению с бразильским; ведь в Китае, в отличие от Бразилии, нет ни тропических болезней, ни сложных погодных условий. Китай выходит на западное побережье Тихого океана и простирается вглубь до богатых нефтью и природным газом земель Центральной Азии. В Бразилии

⁵⁵ East, *The Geography Behind History*, p. 38.

⁵⁶ Federalist № 8.

⁵⁷ Murray W. Some Thoughts on War and Geography // *Journal of Strategic Studies*. – Routledge. – London. – 1999. – Pp. 212, 214. Gray C. S. The Continued Primacy of Geography // *Orbis*. – Philadelphia. – 1996. – Spring. – P. 2.

тут меньше преимуществ, и расположена она в Южной Америке обособленно, в географическом отдалении от других стран.⁵⁸

Почему Африка так бедна? Хотя она и является вторым по величине континентом земного шара с площадью, пятикратно превышающей Европу. Но дело в том, что ее береговая линия к югу от Сахары всего лишь на четверть длиннее европейской. Более того, там очень мало естественных гаваней и заливов, и единственным исключением являются порты на восточном побережье, которые вели когда-то оживленную торговлю с Аравией и Индией. Всего лишь несколько рек в тропической части Африки судоходны в устье, а выше по течению путь преграждают пороги и водопады, ниспадающие с внутренних плоскогорий на прибрежные равнины. Таким образом, внутренние районы Африки отрезаны от побережья.⁵⁹ Более того, Сахара на протяжении многих веков препятствовала налаживанию любых контактов с севером, отчего на Африку со времен Античности мало влияла средиземноморская культура. К тому же от Гвинейского залива до бассейна реки Конго по обе стороны экватора раскинулись густые тропические джунгли, которые отличаются невыносимой жарой и проливными дождями.⁶⁰ Эти леса никак не способствуют развитию цивилизации, как не служат они и естественным кордоном, и поэтому границы, установленные европейскими колонизаторами силою обстоятельств, во многом искусственны. Сама природа на пути африканцев к современности постоянно ставила им преграды.

Посмотрите на список самых экономически слабых стран в мире, и вы увидите, что в большинстве своем они не имеют выхода к морю.⁶¹ Обратите внимание, что тропические страны (в районе между 23–45° северной и южной широты) обычно бедны, а богатые страны расположены в основном в средних и высоких широтах. Стоит также отметить тот факт, что государства с умеренным климатом, находящиеся в Евразии, земли которых протянулись с запада на восток, намного богаче, нежели простирающаяся с севера на юг Черная Африка. Это произошло не в последнюю очередь потому, что технологический прогресс быстрее проходит в рамках одних широт, с одинаковым климатом, где особенности выращивания растений и животноводства становятся известными на больших территориях намного быстрее. Не случайно беднейшие мировые регионы часто расположены там, где плодородие почвы, с одной стороны, способствует большой плотности населения, но, с другой стороны, они сильно удалены от транспортных узлов, таких как морские порты и железные дороги, что препятствует их экономическому росту. Примером могут служить Центральная Индия и расположенные внутри континента страны Африки.⁶²

Еще одним удивительным итогом географического детерминизма является наблюдение ныне покойного географа Пола Уитли, который отметил, что на высоте уже 500 м над уровнем моря санскрит не услышать, поэтому можно сделать вывод, что индийская культура была преимущественно низинной.⁶³

Но, прежде чем мы пойдем дальше, позвольте обратить внимание на пример США. Именно география в значительной мере способствовала процветанию Америки, и именно она в конечном счете, возможно, объясняет американский общечеловеческий альтруизм. При этом, как отмечает Джон Адамс, у американцев нет никакой особой судьбы, и их при-

⁵⁸ Owens M. T. In Defense of Classical Geopolitics // *Naval War College Review*. – Newport, Rhode Island. – 1999. – Autumn. – P. 72.

⁵⁹ Spykman, America's Strategy in World Politics, p. 92.

⁶⁰ Fairgrieve J. Geography and World Power. New York: E. P. Dutton, 1917. Pp. 273–274.

⁶¹ Western J. Department of Geography, Syracuse University.

⁶² Gallup J., Sachs J. Location, Location: Geography and Economic Development // *Harvard International Review*. – Cambridge, Massachusetts. – 1998/1999. – Winter. Частично они являются экстраполяцией работ Джаред Даймонда.

⁶³ Ricklefs M. C., Lockhart B., Lau A., Reyes P., Aung-Thwin M. A New History of Southeast Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 21.

рода ничем не отличается от природы любых других народов.⁶⁴ Историк Джон Киган поясняет нам, что Америка и Великобритания смогли достичь свободы только потому, что моря защитили их от «врагов, накрепко связанных с землей». Милитаризм и прагматизм континентальной Европы XX столетия, на которые американцы привыкли поглядывать свысока, были следствием географии, а не нрава. Интересы государств и империй в рамках перенаселенного континента постоянно переплетались и сталкивались. Но ни у одной нации в Европе не было пути к отступлению через океан. Как следствие, их внешняя политика никак не могла быть основана на моральных универсалиях, и до появления по окончании Второй мировой войны американской гегемонии они вынуждены были попросту накапливать военную мощь.⁶⁵ Роскошь американского идеализма является результатом не только наличия двух океанов. Эти же океаны обеспечили Америке доступ к двум значимым в плане политики и экономики регионам мира – доступ к Европе через Атлантический океан и к Восточной Азии через Тихий океан (одновременно с этим США обладали и собственными природными богатствами).⁶⁶ И тем не менее эти два океана, которые отделяют Америку от других континентов тысячами километров водной глади, позволили ей «подцепить» тот самый опасный штамм изоляционизма, рецидивы которого встречаются и сегодня. Действительно, за исключением интересов в Западном полушарии Соединенные Штаты почти два века неотступно отказывались участвовать в мировой политике. И даже развал системы европейских государств в 1940 г. не заставил Америку вступить во Вторую мировую войну. США в войну вступили только после нападения Японии на Перл-Харбор, да и после окончания войны США вновь удалились от мировых дел. И так было вплоть до начала возвышения СССР и нападения Северной Кореи на Южную, когда Соединенные Штаты были вынуждены вернуть свои войска в Европу и Азию.⁶⁷ Со времен окончания холодной войны внешнеполитические элиты США метались между квазиизоляционизмом и идеалистическим интервенционизмом, и причина подобных метаний – в расположении страны между двумя океанами.

Географию «не покорили, а забыли», отмечает Якуб Григиел, исследователь из Университета Джонса Хопкинса.⁶⁸ «То, что технический прогресс зачеркнул географию, является всего-навсего возможным заблуждением», – пишет Колин Грей, который долгое время консультировал правительства Великобритании и США в вопросах военной стратегии. Постоянное влияние, или контроль, требует, по словам Грея, физического присутствия воинских контингентов на территории, которая является предметом спора. Мы неоднократно могли убедиться в этом на примере Ирака и Афганистана. Следовательно, тот, кто продолжает считать, что современная военная логистика навсегда подчинила себе географию, ничего в этой самой логистике как науке о перемещении значительного количества личного состава и соответствующих объемов грузов с одного континента на другой не понимает вообще. Мой личный опыт перемещений по Ираку с 1-й дивизией морской пехоты был только малой толикой той огромной интендантской задачи, в ходе выполнения которой личный состав и боевая техника перевозились по морю на расстояние в тысячи километров из Северной Америки в район Персидского залива. В своем поразительно проницательном анализе, сделанном в 1999 г., американский военный историк Уильямсон Мюррей писал, что новый век откроет для США новую перспективу борьбы с суровой географической реальностью наличия двух океанов, которые существенно ограничивают и делают безумно дорогим развер-

⁶⁴ Adams J. Works. Boston: Little, Brown, 1850–1856. – V. 4 – P. 401.

⁶⁵ Kaplan R. D. Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos. Random House, 2001. Pp. 101–102.

⁶⁶ Spykman, America's Strategy in World Politics, p. 43.

⁶⁷ Murray, Some Thoughts on War and Geography, p. 213.

⁶⁸ Grygiel J. J. Great Powers and Geopolitical Change. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. P. 15.

тывание наших наземных сил в удаленных точках земного шара. Хотя некоторые войны и операции по спасению граждан могут быть успешно проведены в виде воздушно-десантных рейдов (в этой связи вспоминается операция израильского спецназа по спасению захваченных заложников – пассажиров авиалайнера – в аэропорту угандийского города Энтеббе в 1976 г.), но даже в таких операциях необходимо всячески принимать во внимание физические особенности местности. Именно характер местности в итоге может определить темпы и методы ведения военных действий. Так, война между Великобританией и Аргентиной за контроль над Фолклендскими островами в 1982 г. разворачивалась медленно именно по причине того, что острова окружены огромными океанскими просторами. А вот равнинные пустыни Кувейта и Ирака в ходе войны в Персидском заливе за освобождение и восстановление независимости Кувейта в 1991 г. способствовали результативности ударов с воздуха. В то время как неспособность удерживать огромные и густонаселенные территории Ирака во время Второй войны в Персидском заливе наглядно продемонстрировала явные ограничения превосходства в воздухе и, таким образом, сделала вооруженные силы США заложниками географии. Самолеты могут бомбить, но не могут справляться с транспортировкой необходимых объемов грузов, как и не способны обеспечивать контроль над наземными территориями.⁶⁹ Более того, во многих случаях авиация нуждается в аэродромах, которые были бы относительно близко расположены.

И даже в эпоху межконтинентальных баллистических ракет и атомного оружия география не теряет своей важности. Как подмечает Моргентау, малые и средние государства, подобные Израилю, Великобритании, Франции, Ирану, не способны перенести такой же уровень поражения, как государства континентального масштаба типа США, России или Китая; следовательно, ядерным угрозам первых явно недостает вескости. Это значит, чтобы выжить, такое вот окруженное недругами небольшое государство вроде Израиля должно быть либо чрезвычайно пассивным, либо же в высшей степени агрессивным. И дело тут в основном в географии.⁷⁰

Однако принимать в расчет рельефную карту со всеми ее горными грядами и населением совсем не значит видеть мир как неизменно управляемый этническими и религиозными различиями, которые не поддаются глобализации. Все тут намного сложнее. Сама по себе глобализация способствовала возрождению местного патриотизма и местных особенностей, которые во многих случаях строятся на различиях в этническом и религиозном сознании, привязанных к определенным ландшафтам. Следовательно, их лучше всего объяснять, обращаясь к карте рельефа местности. Это происходит из-за того, что действие массовых коммуникаций и экономической интеграции ослабили могущество многих государств, включая и те, которые вопреки диктату географии были задуманы искусственно. Тем самым эти государства стали уязвимы в некоторых критических областях под воздействием смятенного и неустойчивого мира. Именно благодаря новым коммуникационным технологиям произошло усиление панисламистских настроений по всей афро-азиатской дуге влияния ислама, в то время как отдельные мусульманские государства и так испытывают мощнейшее давление исламистов изнутри.

Возьмем, например, Ирак и Пакистан, которые с точки зрения географии можно охарактеризовать как самые нелогичные государства в пространстве от Средиземного моря до Индийского субконтинента, даже если ввиду рельефа местности самым слабым государством в мире признается, без сомнений, Афганистан. Да, Ирак рухнул из-за американского вторжения. Однако можно заявить, что тирания Саддама Хусейна (которую я лично почувствовал в 1980-х гг. и которая, без всякого сомнения, была ужаснейшей во всем арабском

⁶⁹ Gray, *The Continued Primacy of Geography*. Murray, p. 216.

⁷⁰ Morgenthau, p. 124.

мире) определялась географией. Ведь каждый диктатор Ирака, начиная с самого первого военного переворота 1958 г., неизбежно был вынужден прибегать ко все более жестким репрессиям в стране, где при отсутствии естественных границ проживают курды, сунниты и шииты, всегда отличавшиеся крайними проявлениями этнического и религиозного самосознания.

Я прекрасно понимаю, что в аргументации такого рода очень важно не заходить слишком далеко. Без сомнения, горы, отделяющие Курдистан от остальной территории Ирака, и деление равнинной Месопотамии между суннитами в центре и шиитами на юге могли гораздо больше повлиять на развитие событий, чем стремление к демократии. Однако никто не может знать будущего, и возможность существования относительно стабильного и демократического Ирака не исключается. Точно так же, как горы Юго-Восточной Европы способствовали отделению Австро-Венгерской империи от более бедной и менее развитой Оттоманской империи и на протяжении веков отгораживали друг от друга различные этнические и религиозные группы на Балканах, однако совершенно не служили гарантией успешного прекращения междоусобных войн с помощью внешнего вмешательства. Я не говорю здесь о некоей неумолимой силе, против которой человечество бессильно. Я скорее бы призывал к сдержанному принятию судьбы, обусловленной фактами географии, чтобы обуздать чрезмерное рвение во внешней политике – рвение, которое свойственно и мне самому.

Чем лучше мы сдерживаем этот пыл, тем успешнее станут наши посреднические вмешательства; и чем они будут успешнее, тем большую свободу действий в последующие годы получат наши политики в подобных ситуациях в глазах общественного мнения.

Я понимаю, что рискую, вознося географию на пьедестал. Поэтому по ходу данного исследования я буду постоянно держать в голове предостережение Исайи Берлина, сформулированное в 1953 г. в его знаменитой лекции и опубликованное на следующий год под названием «Историческая неизбежность». В ней он клеймит позором как аморальные и трусливые те взгляды, согласно которым наша жизнь и мировая политика жестко ограничены такими *мощными обезличенными силами*, как география, окружающая среда и этнические атрибуты. Берлин бросает упрек Арнольду Тойнби и Эдварду Гиббону в том, что те рассматривают «нации» и «цивилизации» как «более реальные» понятия, чем личности, из которых те состоят. А еще он их бранит за то, что они считают такие абстракции, как «традиция» и «история», «более мудрыми, чем мы сами».⁷¹ Для Берлина же личность и ее моральная ответственность стоят превыше всего. Поэтому такая личность не имеет права возлагать вину за свои действия или судьбу всецело или частично на такие факторы, как рельеф местности или культура. Мотивы человеческой деятельности очень сильно влияют на историю. Это не иллюзии, объяснимые ссылкой на мощные внешние силы. Карта – это только начало, а не завершающий этап толкований нашего прошлого и настоящего.

Несомненно, география, история, этнические особенности влияют на будущее, но они решительно *не определяют* будущих событий. Тем не менее нынешние проблемы внешней политики попросту не поддаются разрешению и не допускают принятия правильного выбора без серьезного учета тех факторов, которые Берлин в своей бескомпромиссной атаке на все формы детерминизма, как может показаться вначале, гневно отбрасывает. Полагаясь мы на географические, этнические и религиозные факторы, то это могло бы сослужить нам хорошую службу в предвидении вспышек насилия как на Балканах после окончания холодной войны, так и в Ираке после вторжения США в 2003 г. Тем не менее моральные проблемы, о которых говорил Берлин, вот уже на протяжении двух десятилетий рефреном звучат в дебатах о том, куда стоит, а куда не следует направлять американские войска.

⁷¹ Berlin I. Four Essays on Liberty. Oxford, England: Oxford University Press, 1969.

Итак, как же нам быть? Как нам ощутить ту тонкую грань между признанием географии в качестве важнейшего фактора исторического развития и опасностью преувеличения ее значения? Здесь, как мне кажется, стоит обратиться к рассуждению Раймона Арона о трезвой этике, базирующейся на принципе «вероятностного детерминизма», поскольку «человеческий выбор всегда осуществляется в некоторых пределах или ограничениях, таких как наследие прошлого».⁷² Ключевым словом тут является «вероятностный», то есть, сосредоточившись на географии, мы придерживаемся частичного или же нетвердого детерминизма, который признает очевидные различия между группами людей и физическими особенностями местности, где они проживают, но не понимает их слишком упрощенно, оставляя множество вероятностей открытыми. Либеральные интернационалисты, которые в основной массе поддержали интервенцию на Балканах, но выступили против вторжения в Ирак, служат примером понимания этой тонкой грани. Они постигли внутренним чутьем, пусть и недостаточно четко, основной факт географии. Югославия располагалась на самом развитом краю Османской империи, непосредственно прилегающем к Центральной Европе, в то время как Месопотамия являлась ее самой беспорядочной и хаотичной восточной частью. А так как данный факт влиял на политическое развитие страны вплоть до нынешнего времени, то вторжение в Ирак не могло не принести проблем.

Итак, что именно эта смиренная судьба, эта невидимая рука готовит для нас в будущем? Чему можем мы научиться у географической карты, о каких возможных опасностях она нас предостерегает? Давайте же посмотрим на то, как география влияла на мировую историю, глазами нескольких выдающихся ученых XX в., а затем специально посмотрим на связь географии и вмешательства человека глазами великого мужа древности. Это подготовит нас к рассмотрению проверенных временем и наиболее провокационных геополитических теорий современности, равно как и даст возможность заглянуть в будущее нашего мира.

⁷² См. Mahoney D. J. Three Decent Frenchmen // *The National Interest*. – 1999. – Summer. См. также History, Truth and Liberty: Selected Writings of Raymond Aron / Edited by Franciszek Draus. University of Chicago Press, 1985.

Глава 3

Геродот и его преемники

Во второй половине XX в., когда Ганс Моргентау работал преподавателем кафедры политологии в Чикагском университете, два других профессора делали успешные шаги на академическом поприще кафедры истории того же учебного заведения – Уильям Мак-Нил и Маршалл Ходжсон. Чикагский университет всегда славился своими талантливыми учеными, в те годы выдвинувшимися по интеллектуальным меркам на одно из первых мест в мире. Я ни в коем случае не хочу преуменьшать успехи других ученых, говоря об этих трех профессорах. В то время как Моргентау охарактеризовал реализм современной эпохи, Мак-Нил сделал по сути то же самое для всемирной истории, а Ходжсон – для истории ислама, и это были огромные труды геродотовского масштаба, в которых географии отводилось отнюдь не последнее место. Восхищение вызывает уже сама смелость в выборе Мак-Нилом и Ходжсоном тематики исследований, поскольку в наше время в научной среде делается акцент на узкой специализации, что на самом деле является неизбежностью ввиду того, что объем накопленных знаний постоянно растет. Но, читая Мак-Нила и Ходжсона, невольно начинаешь ностальгировать по недавнему прошлому, в котором научные горизонты казались бескрайними. Специализация привнесла свои преимущества, но наука могла бы с большим толком использовать широту подхода этих двух профессоров Чикагского университета, а они со своей стороны демонстрируют, что география сама по себе является способом мыслить широко.

Уильям Мак-Нил, уроженец Британской Колумбии (самой западной провинции Канады), опубликовал свой труд «Восхождение Запада: история человеческого сообщества» объемом более 800 страниц, когда ему было около 45 лет. Доминирующим мотивом этой книги является несогласие с точкой зрения британского историка Тойнби и немецкого историка Освальда Шпенглера, согласно которой разные цивилизации проходили свои стадии развития независимо друг от друга. Мак-Нил же полагает, что культуры и цивилизации постоянно взаимодействовали и именно это взаимодействие лежит в основе драматических событий мировой истории. В общем и целом эта книга о массовых передвижениях народов по планете.

Так называемые земледельцы долины Дуная, двигаясь на север, заселили земли Центральной и Восточной Европы в период между 4500 и 4000 гг. до н. э. В то же время первые животноводы и земледельцы, продвигаясь на юг, пересекли Северную Африку, выйдя к Гибралтарскому проливу, и «впоследствии соединились и смешались с дунайским потоком переселенцев», при этом, как утверждает Мак-Нил, более ранние европейские поселенцы, промышлявшие охотой, никуда не исчезли – они попросту ассимилировались другими народами, восприняв их культуру.⁷³ С этого момента и начинается в книге изложение мировой истории.

Истоки обоих переселений, к северу и к югу от Средиземного моря, – в так называемом Плодородном полумесяце и Анатолии, где политическая нестабильность во многом была следствием географического положения. «В то время как Египет, расположенный параллельно основным торговым и миграционным путям, не препятствовал передвижению, Ирак, с давних времен являющийся приграничной территорией, стоит поперек путей, изначально предначертанных человеку», – пишет знаменитая британская путешественница и

⁷³ McNeill W. H. The Rise of the West: A History of the Human Community. University of Chicago Press, 1963. P. 22, 27.

автор более двух десятков книг о своих странствиях по Ближнему Востоку и Афганистану Фрея Старк.⁷⁴ В самом деле, отмечает Мак-Нил, Месопотамию пересекает один из самых кровавых миграционных маршрутов. «Как только города на равнинах начали процветать», чему способствовал небольшой уклон в нижней части долины Тигра и Евфрата, по которому реки несли свои воды, орошая поля на многие километры, «они становились лакомым куском для варварских народов, обитающих на территориях вокруг этих городов». Более того, когда большую часть орошаемой земли в Месопотамии начали использовать для земледелия и границы между полями разных общин стали значительно уже, разгорелась затяжная война, поскольку не было централизованной власти, которая могла бы разрешить территориальные конфликты или распределить воду, когда ее не хватало. Посреди этого разброда завоеватели, как, например, Саргон (2400 г. до н. э.), вторгались в Месопотамию из-за границ культивируемых территорий. Хотя, как пишет Мак-Нил, создав централизованную власть, завоеватели спустя несколько поколений оставляли военные дела ради «спокойной и более комфортной жизни» в городах, тогда как история каждый раз повторялась с приходом новых завоевателей.

Все это напоминает тенденции, описанные в XIV в. тунисским историком и географом Ибн Хальдуном, который отмечает, что, хотя жизнь в роскоши на начальном этапе и укрепляет государство, способствуя укреплению его законодательно, в последующих поколениях она приводит к упадку. О начале процесса распада говорит появление влиятельных провинциальных лидеров, которые впоследствии нападают и создают свои собственные династии.⁷⁵ В конечном счете расцвет цивилизации в древнем Ираке привел к появлению самых жестоких тираний, целью которых было не допустить распада страны. Такими были Тиглатпаласар (XII–XI вв. до н. э.), Ашшурнасирипал II (IX в. до н. э.), Синаххериб (VIII–VII вв. до н. э.) и другие правители, известные своей жестокостью, манией величия и массовыми выселениями народов, совершавшимися по их приказу.⁷⁶ Эта тенденция к установлению жестокой тирании, характерная для разобщенного региона, подверженного военным нашествиям, достигла своей кульминации в наше время при режиме Саддама Хусейна. Хотя опять-таки следует избегать крайне категоричных выводов: например, в период 1921–1958 гг. в Ираке достаточно неплохо функционировала парламентская система, что могло бы при нескольких иных обстоятельствах продолжаться и позднее. Мак-Нил, Ибн Хальдун и Старк говорят только об исторических и географических тенденциях, избегая, таким образом, обвинения в детерминизме.⁷⁷

По утверждению Мак-Нила, географическая среда, став основой для необычайного уровня тирании и бюрократии в Месопотамии, также способствовала развитию несколько менее деспотичного режима в Египте. «Пустыни подарили Египту четкие границы, которые не так сложно защищать, а Нил стал для него природной магистралью и центральной нервной системой, так что уровень насилия, характерный для Месопотамии, на берегах Нила был попросту не нужен. Защита границ от чужаков едва ли была серьезной проблемой для фараонов Египта», – пишет он. В самом деле, причина этого крылась в более благоприятном расположении Египта по отношению к миграционным маршрутам, чем Месопотамии, а проникновения ливийцев с запада и азиатов с востока не составляли большой проблемы. С юга Египет был надежно прикрыт пустыней, располагающейся на обоих берегах реки, а с севера – Средиземным морем. Довольно вероятно, что на протяжении 4000 лет египтянам почти не

⁷⁴ Stark F. *Iraq, Islam Today* / Ed. by A. J. Arberry and Rom Landau. London: Faber & Faber, 1943.

⁷⁵ *Ibn Khaldun. The Muqaddimah: An Introduction to History*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1967. Pp. 133, 136, 140, 252. Kaplan R. D. *Mediterranean Winter*. New York: Random House, 2004. P. 27.

⁷⁶ Roux G. *Ancient Iraq*. London: Allen & Unwin, 1964. Pp. 267, 284, 297, 299.

⁷⁷ McNeill, *The Rise of the West*, pp. 32, 41–42, 46, 50, 64.

приходилось сталкиваться с вооруженными захватчиками на своей территории. Более того, Нил очень даже способствовал оживленному судоходству, поскольку течение несло лодки в северном направлении, а ветра, обычно дующие с севера на юг, помогали судам перемещаться по реке в южном направлении при помощи паруса. Таким образом, в Египте смогла зародиться цивилизация. «Для сравнения, – пишет Мак-Нил, – у правителей Месопотамии не было готовых естественных преград, которые оберегали бы их централизованную власть, им приходилось медленно и с большими усилиями создавать [жесткие] законы и бюрократическую управленческую систему в качестве искусственной замены естественных компонентов географической среды, которые имел Египет благодаря своему географическому расположению». Неповоротливая бюрократическая машина месопотамских государств должна была также справляться с непостоянными уровнями подъема вод Тигра и Евфрата, которые трудно было предугадать, что усложняло организацию системы орошения.⁷⁸ Совсем иной была ситуация с Нилом, с его предсказуемыми сезонными разливами. На сегодняшний день, хотя и в Египте, и в Ираке долгое время царила диктатура, более тяжелая ситуация сложилась все же в Ираке, и причины этому можно проследить до древних времен и определенно связать с географией.

За пределами Ближнего и Среднего Востока, «на границах цивилизованного мира», существовали названные Мак-Нилом «периферийными» цивилизации Индии, Греции и Китая. Причем две первые обязаны своим процветанием в значительной степени культурам реки Инд и Минойского Крита. Однако все три цивилизации, сталкиваясь с постоянными вторжениями варваров, вынуждены были взаимодействовать с ними, хотя их географическое положение и обеспечивало им частично некоторую защиту. Греция и Индия с севера были закрыты горными хребтами, что «эффективно защищало от нападения конницы, пришедшей из степей». Китай был изолирован еще более суровыми пустынями, высокими горами, да и просто расстоянием, поскольку тысячи километров отделяли долину реки Хуанхэ, где зародилась китайская цивилизация, от Ближнего Востока и центра Индии. В результате возникали совершенно уникальные цивилизации, что особенно хорошо видно на примере Китая. Развитие этих цивилизаций произошло в полной независимости от всевозрастающего культурного пространства, находящегося в окружении великих пустынь Ближнего и Среднего Востока, протянувшихся от Северной Африки до Туркестана.⁷⁹

Уильям Мак-Нил считает, что в древние времена нестабильность границ между эллинской, ближневосточной и индийской цивилизациями способствовала тонкому культурному равновесию в Евразии. Это равновесие позднее, в Средние века, было нарушено нашествием кочевников из северных степей, в частности монголов.⁸⁰ Именно монголы во многом поспособствовали процветанию Великого шелкового пути, особенно в XIII–XIV вв., поддерживая контакты между евразийскими цивилизациями от Тихого океана до Средиземного моря. При всем том Китай сформировал собственное локализованное в пространстве общество, которое с географической точки зрения можно сравнить с цивилизациями, расположенными западнее. При этом Тибет, Монголия, Япония и Корея одновременно и порознь устремляли свои взгляды на Срединное царство, и каждый из этих регионов в разной степени формировал свою собственную цивилизацию. И тем не менее суровые условия высокогорной пустыни «сделали возможным появление лишь протоцивилизации в Тибете и Монголии», – пишет Мак-Нил. Тибетские ламаисты, которые «всегда осознавали, что корни их веры уходят в индийский буддизм», в действительности сопротивлялись китаизации, обращаясь к

⁷⁸ McNeill, pp. 69, 71. Roux, *Ancient Iraq*, pp. 24–25.

⁷⁹ Ibid, pp. 167, 217, 243.

⁸⁰ Ibid, pp. 250, 484, 618.

традициям соперничающей цивилизации, расположенной по соседству.⁸¹ По словам Мак-Нила, история – это наука в текущем состоянии, в которой только кажется, что все организовано в строгом соответствии с законами географии: более важным является то, что мы всегда находимся в процессе небольших замещений и культурных перемен.

В своих работах Мак-Нил выступает против идейных высказываний Шпенглера и Тойнби, а также появившейся позднее знаменитой теории «столкновения цивилизаций», предложенной профессором Гарвардского университета Сэмюэлом Хантингтоном, и подчеркивает, что взаимодействие цивилизаций имеет гораздо большее значение, нежели их изоляция. Главный труд Мак-Нила «The Rise of the West» («Восхождение Запада») тем не менее привлекает читателя цельным представлением о цивилизациях, в значительной степени сформированных географической средой, которые зарождаются в местностях определенного типа, развивают свою индивидуальность, а потом взаимодействуют с другими цивилизациями, создавая определенные гибридные формы. Так творится история...⁸² Мак-Нил метафорически описывает процесс следующим образом:

«Цивилизации можно сравнить с горными хребтами, которые миллионы лет формируются в свою геологическую эру, а потом медленно, но неотвратно разрушаются под воздействием сил природы... Цивилизации также разрушаются, но гораздо быстрее, когда перестает действовать стечение обстоятельств, спровоцировавшее их развитие, в то время как соседние народы поднимаются на новые культурные высоты, заимствуя достижения других цивилизаций или реагируя на них каким-либо иным образом».⁸³

Это разрушение и заимствование ужасает Шпенглера, немецкого философа-идеалиста начала XX в., который пишет о «крепких узах земли», которые определяют все лучшее в высоких культурах. Это как внутренняя эволюция сакральных ритуалов и догм «сохраняет неразрывную связь с местом своего возникновения», поскольку «все, что отрывается от земли, утрачивает мягкость и гибкость». Высокая культура, продолжает он, берет свое начало в «предурбанистической сельской местности» и достигает высшей точки своего развития с «окончанием эры материализма» в «мировых городах». Для этого мрачного романтика, который одновременно может быть пафосным, гипнотизирующим, проникновенным и, признаться, иногда совершенно непонятным в английском переводе, космополитизм – это отсутствие корней, потому что в нем нет привязки к земле.⁸⁴

В связи с этим возникает вопрос зарождения и конечной судьбы западной цивилизации, сосредоточенной преимущественно в городах, а значит, лишенной, таким образом, связи с землей. А именно такая форма цивилизации в наше время становится в мире доминирующей. Об этом будет говориться далее в книге. Между тем я продолжу обсуждать мысли Мак-Нила, который продвинулся дальше, чем Шпенглер, и гораздо более внимательно отнесся к вопросам климата и географии.

Уильям Мак-Нил пишет, например, что под влиянием субконтинентальных джунглей и муссонных циклов, настраивающих на медитацию и поиски религиозного знания, на Индо-Гангской равнине сложился культурный тип ариев, по нраву своему менее воинственный,

⁸¹ Ibid, p. 535.

⁸² Предисловие Артура Хелпса к сокращенному англоязычному изданию Освальда Шпенглера «Закат Европы» (*Spengler O. The Decline of the West*. Oxford: Oxford University Press, 1991).

⁸³ Ibid, p. 249.

⁸⁴ *Spengler O. The Decline of the West* / Translated by Charles Francis Atkinson. New York: Knopf, 1962. Pp. 324, 345, 352 (в русском переводе: *Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории*. В 2 т. / Пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2009).

нежели народы, населяющие Средиземноморскую Европу. В другом примере он отмечает, что «раннее развитие» греческой Ионии происходило из-за близости и тесных контактов с Малой Азией и Востоком. И все же Мак-Нил и здесь избегает открытого детерминизма. На то есть причины. Несмотря на гористую местность Греции, которая способствовала развитию небольших политических образований, то есть городов-государств, ученый осторожно замечает, что в ряде случаев «прилегающие широкие пространства плодородных земель были аккуратно разделены» между соседними городами-государствами. Так что выходит, что география является лишь одним из нескольких факторов. Однако самым необычным примером, конечно, является история еврейского народа, которая противоречит всей логике географического постоянства основных религий (в особенности индуизма и буддизма) и описанию которой Мак-Нил уделяет достаточно внимания. Полное уничтожение еврейской общины в Иудее, являющееся следствием подавления римлянами восстаний в I и II вв. н. э., не смогло уничтожить иудаизм, который невероятным образом продолжил развиваться и процветать в разбросанных за пределами Палестины западных городах. Эта история длиной в 2000 лет развивалась вопреки законам географии и еще раз показывает, что идеи и деятельность человека важны не менее, чем географические особенности местности, на которой он проживает.⁸⁵

И все же есть история Европы, корнями уходящая в зарождение истории человечества, в которой главенствующее положение занимает география. Как отмечает Мак-Нил, Западная Европа имела определенные географические преимущества, которые вступили в игру с развитием технологий в так называемое мрачное Средневековье. Это широкие и плодородные равнины, неровная береговая линия с большим количеством естественных портов и гаваней, судоходные реки, текущие на север по этим равнинам и позволяющие торговле распространяться на более широкой территории, чем в Средиземноморском регионе, а также богатые запасы металлов и древесины.⁸⁶ Климат в Европе был суровым, холодным и влажным, и Тойнби, который, как и Мак-Нил, в конечном итоге не был фаталистом, тем не менее пишет: «Покой является врагом цивилизации... Чем спокойнее окружающая обстановка, тем слабее импульсы, побуждающие цивилизацию к развитию».⁸⁷ Так что Европа развивалась в сложных климатических условиях, но имела отличные естественные условия для возникновения транспортных узлов и центров торговли. Ибо цивилизации – это во многом мужественная реакция на естественное окружение, демонстрирующая стойкость и силу духа. Так, соседство Скандинавии и военное давление, которое она стала оказывать на морские границы Западной Европы, привели к преодолению феодальной раздробленности и объединению различных земель в королевствах Англии и Франции. Более того, Англия, будучи меньше по размерам, чем феодальные королевства на Европейском материке, но, как пишет Тойнби, «владеющая более четкими территориальными границами» [что понятно, поскольку она все-таки расположена на острове], гораздо быстрее, чем ее соседи, стала «национальным государством», выступающим против феодальных устоев.⁸⁸

Конечно, для некоторых местностей, например Арктики, характерны такие суровые условия, что цивилизация в них погибает либо останавливается в развитии. По словам Тойнби, этому предшествуют чудеса изобретательности, проявляемые культурами, – скажем, способность эскимосов выживать зимой на льду и охотиться на тюленей. Но, совершив этот подвиг и сумев выжить, они не могут настолько покорить природу, окружающую

⁸⁵ Ibid, pp. 177–178, 193–194, 353–354. *Toynbee A. J. A Study of History. Abridgement of Volumes VII–X* by D. C. Somervell. New York: Oxford University Press, 1957. Pp. 144–145.

⁸⁶ Ibid, pp. 451, 539.

⁸⁷ *East, The Geography Behind History*, p. 128.

⁸⁸ *Toynbee A. J. A Study of History. Abridgement of Volumes I–VI* by D. C. Somervell. New York: Oxford University Press, 1946. Pp. 123, 237.

их, чтобы построить развитую полноценную цивилизацию. Тойнби, как и современный ученый-биогеограф из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Джаред Даймонд, много писал о трудностях и упадке средневековых цивилизаций викингов Гренландии, полинезийцев с острова Пасхи, индейцев анасази на юго-западе США, а также индейцев майя из джунглей Центральной Америки. Они рассматривали все эти народы в качестве примера того, как от выбора пути взаимодействия с окружающей средой зависит выживание обществ и цивилизаций.⁸⁹ Похоже, что в Европе препятствия в виде климатических и прочих условий окружающей среды оказались оптимальными, стимулируя ее обитателей к высокому уровню развития цивилизации, тем более что Европа и расположена в северной зоне умеренного климата, достаточно близко к Африке, Ближнему и Среднему Востоку, евразийским степям и Северной Америке. Так что народы, проживающие здесь, смогли сполна воспользоваться торговыми связями, которые формировались на протяжении столетий, сопровождаемые техническим прогрессом в судоходстве и других сферах.^{90, 91} Так, то, что Васко да Гама постиг секреты муссонных ветров в Индийском океане, позволило крайней границе Евразии стать местом сосредоточения важнейших морских путей мира, остающихся под контролем Европы. Но, по мнению Мак-Нила, западная цивилизация добилась успеха не только благодаря материальному прогрессу в сложных географических условиях, но и «устранению», как он это называет, «варварских» территорий.⁹²

Уильям Мак-Нил говорит о «безжалостном, практически беспрепятственном захвате цивилизацией территорий», населенных варварскими племенами:

«Именно этот захват способствовал величию и разнородности определенных мировых цивилизаций и увеличению контактов между ними, подготавливая почву для впечатляющего сближения между различными странами мира, которое происходило на протяжении трех-четырех последних столетий».⁹³

Заполнение относительно свободных территорий различными мировыми цивилизациями, главным образом в умеренной климатической зоне, началось в основном с великих географических открытий таких мореплавателей, как да Гама, Колумб, Магеллан, и многих других. Эти процессы продолжились с началом революционных открытий в сфере промышленного производства, в сфере транспорта и связи и в определенном роде происходят и по сегодняшний день благодаря тому, что имеет название «глобализация». За это время окончательно исчезли степные народы, поскольку Россия, Китай и империя Габсбургов разделили между собой относительно пустынные равнины и плоскогорья Евразии. Этот же этап истории человечества ознаменовался тем, что по мере продвижения границ США на запад североамериканского континента и захвата Европой в качестве колоний территорий к югу от пустыни Сахара имел место упадок коренных народов, проживавших на этих землях.⁹⁴ В конечном итоге, как пишет Мак-Нил, мир теперь окончательно объединен главным образом

⁸⁹ *Toynbee, A Study of History, Volumes I–VI, pp. 146, 164–166. Diamond J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed. New York: Viking, 2005. Pp. 79, 81, 106–107, 109, 119–120, 136–137, 157, 159, 172, 247, 276.*

⁹⁰ Европа ни в коем случае не уникальна в этом отношении. Например, Тойнби описывает, как обитателям Альтиплано пришлось столкнуться с трудностями, связанными с холодным климатом и неплодородными почвами, в то время как жители Тихоокеанского побережья Южной Америки должны были выживать в условиях жары и засухи, что сделало необходимыми работы по орошению земель. Разница между Европой и Южной Америкой, о которой не говорит Тойнби, тем не менее заключается в том, что через Европу с ее естественными водными портами лежали многие торговые и миграционные маршруты. – *Прим. авт.*

⁹¹ *Toynbee, p. 75.*

⁹² *McNeill, pp. 565, 724.*

⁹³ *Ibid, p. 253.*

⁹⁴ *Ibid, pp. 722, 724.*

под западной эгидой, все более и более урбанизированной цивилизации. Не стоит забывать, что коммунистическая доктрина, хотя и являлась продолжением тоталитарных тенденций в русле восточного православия и, следовательно, противостояла либерализму, также является идеологией индустриализованного Запада. Нацизм тоже возник как аномальное порождение задушенного инфляцией, стремительно модернизирующегося Запада. Мак-Нил говорит не о политическом единении, а об обширных культурных, географических и демографических тенденциях.

Хотя заполнение пустых пространств на карте мира и является центральной темой «Восхождения Запада», это справедливо лишь отчасти. Тот факт, что две железнодорожные колеи, тянущиеся навстречу друг другу, встречаются и соединяются, еще не означает, что между конечными пунктами нет пустынных или малозаселенных территорий. Границы могут быть закрыты формально, но с невероятной скоростью увеличивается плотность населения и возрастает связь с помощью электронных средств массовой информации. И именно из-за этой огромной скорости развития мира, в котором мы сегодня живем, и разворачивается основная политическая драма наших дней. Мак-Нил мог считать объединенным мир, где одна часть цивилизованного общества располагается не дальше, чем в нескольких неделях езды от другой.⁹⁵ Но как меняется геополитика, когда самых отдаленных мест земного шара можно достичь в течение нескольких дней или даже часов, как в наше время? В определенном смысле мир был объединен в XVIII–XIX вв., но в отношении демографии и технического развития тот мир мало напоминает мир начала XXI в. Главная драма нашей эпохи, как мы увидим, – это постепенное заполнение пространства, что приводит к географии без свободных территорий, где государствам и вооруженным силам, чтобы поместиться в заданных границах, остается все меньше и меньше пространства. Если моторизованным войскам противоборствующих сторон, действовавшим, к примеру, 100 лет назад, чтобы войти в боевое соприкосновение друг с другом, необходимо были пройти немалое расстояние, то в наши дни речь идет о дальности полета межконтинентальных ракет. География при таком сценарии никуда не исчезает, а, как мы видим, становится еще более важной.

Для того чтобы посмотреть на этот аргумент с другой точки зрения, вернемся к работе Моргентау. Он пишет, что как раз имперская экспансия на относительно свободные географические области в XVIII–XIX вв. в Африке, Евразии и на западе Северной Америки направила политические амбиции великих держав на периферию мира, таким образом сглаживая конфликты между ними самими. Например, чем больше Россия, Франция и США концентрировались на империалистическом распространении своей власти на дальних территориях, тем меньше внимания они обращали друг на друга и тем более спокойной (в определенном смысле) была обстановка в мире.⁹⁶ Но к концу XIX в. великие национальные державы и империи Запада окончательно оформились (особенно это относится к Германии) и могли дальше расширять территории только за счет друг друга.⁹⁷ Моргентау резюмирует:

«Когда политическое равновесие, которое теперь в основном сохраняется на трех континентах, достигает мирового масштаба, противопоставление зоны влияния великой державы и ее центра, с одной стороны, и периферии и свободных зон за ее пределами, с другой стороны, должно неизбежно исчезнуть. Периферийные зоны влияния политического соотношения сил теперь совпадают с пределами земли».⁹⁸

⁹⁵ Ibid, p. 728.

⁹⁶ *Gilpin R. War and Change in World Politics*. New York: Cambridge University Press, 1981.

⁹⁷ *Morgenthau*, pp. 354–357.

⁹⁸ Ibid, p. 357.

Взгляды Моргентау, которые он излагал в годы напряженности начального периода холодной войны, заставляют видеть опасность между строк, в то время как мнение его коллеги по университету Мак-Нила, сформированное на более поздней и уже более стабильной стадии холодной войны, вселяет надежду:

«Династия Хань в Древнем Китае... положила конец волнениям и междоусобицам, создав имперскую бюрократическую структуру, которая с редкими сбоями и небольшими изменениями просуществовала практически до наших дней. Похоже, страны XX столетия, воюющие между собой, стремятся к подобному разрешению своих конфликтов...».⁹⁹

Падение Берлинской стены в 1989 г., несомненно, служит подтверждением оптимистических ожиданий Мак-Нила. Тем не менее можно утверждать, что современный мир не перестает быть менее опасным, нежели во времена холодной войны, поскольку свободные зоны на политической карте мира не перестают сокращаться по целому ряду геополитических причин. Возьмем для примера Китай. Мао Цзэдун ценой огромных усилий, конечно, стабилизировал и укрепил позиции Китая как современного государства. Сейчас страна переживает экономический подъем и наращивает военную мощь в качестве великой державы. На шахматной доске Евразии присутствует такое количество китайских фигур, какого Моргентау не мог себе вообразить. Одновременно с этим даже в самых дальних уголках мира возникают все новые города, и это несмотря на то, что Шпенглер считал отход от сельского хозяйства и культивирования земли началом упадка культуры и человеческой цивилизации. Просторные и многолюдные городские конгломерации, как и предчувствовал Мак-Нил, ведут к интенсивной, хотя и вызывающей беспокойство трансформации религии и самосознания.¹⁰⁰ Например, ислам все менее похож на традиционную, привязанную к земле религию и все больше приобретает очертания строгой, в некоторых случаях связанной с определенной идеологией веры. Это нужно для того, чтобы контролировать поведение людей в громадных безликих городских трущобах, где не так распространены большие семьи и кланы. В результате на Ближнем Востоке появляются мегаполисы и целые агломерации небольших городов в прежде сельской местности, в которых, несмотря на крайнюю бедность, наблюдается очень низкий уровень преступности. Однако иногда побочным следствием такой исламской урбанизации является глобальный терроризм, нарушающий политическое равновесие в мире. Христианство также становится более подверженным влиянию идеологии, что является следствием стресса, в котором пребывают большую часть времени жители американских пригородов на Юге и Западе США. Традиционный национализм вытесняется из городов Европы поклонением природе, учитывая, что Евросоюз как супердержава остается чем-то абстрактным для большинства европейцев, за исключением разве что элиты. В то же время война больше не является «развлечением для королей», как в Европе XVIII в. Сейчас она – инструмент националистического или религиозного фанатизма как в крупных масштабах (например, нацистская Германия), так и в более мелких (например, «Аль-Каида»)¹⁰¹. Добавьте к этому угрозу ядерного оружия в руках радикально настроенной элиты на государственном и негосударственном уровне. И среди всех этих сложных, бушующих перемен классическая география возвращает себе свои позиции, оказывая влияние на напряженные отношения между Западом, Россией, Ираном, Индией, Китаем, Кореей, Японией и т. д., и каждый случай мы рассмотрим в деталях. Тезис Мак-Нила о взаимодействии между цивилизациями, справедлив сегодня как никогда прежде. Но было бы ошиб-

⁹⁹ McNeill, p. 807.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Toynbee, A Study of History, Volumes I–VI, p. 284.

кой приравнивать зарождающуюся в наши дни мировую культуру межгосударственных взаимоотношений к политической стабильности: ведь географическое *пространство* (именно потому, что на нем размещается все больше людей и его ценность как никогда высока) все еще имеет значение, и это значение – огромно.

В то время как научный интерес Мак-Нила относился ко всему миру, исследования Ходжсона, которые нас сейчас интересуют, более узконаправленны и касаются Ближнего Востока. Тем не менее Ходжсон, пламенный приверженец квакерства, скончавшийся в возрасте 46 лет, демонстрирует удивительное трудолюбие и честлюбивые замыслы в своем трехтомном труде «История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней», опубликованном в полном виде в 1974 г., шесть лет спустя после смерти автора. Этот по большей части забытый уже историк из Чикагского университета гораздо менее известен среди современных журналистов, чем ряд других выдающихся ученых, исследующих Ближний Восток, таких как Бернард Льюис из Принстонского университета или Джон Эспозито из Университета Джорджтауна. Ходжсон в своем монументальном труде в отличие от Мак-Нила поместил ислам в географическом и культурном плане в контекст более крупных течений мировой истории. Стиль Ходжсона может показаться излишне академическим и непонятным. Но если читатель приложит некоторые усилия, он будет вознагражден исчерпывающим объяснением, как ислам смог зародиться, укорениться и так невероятно быстро распространиться не только по Аравийскому полуострову и Северной Африке, но и по всему побережью Индийского океана, а также на территории от Пиренейских гор до Тянь-Шаня.¹⁰²

Важно отметить, что Ходжсон написал значительную часть «Истории ислама» в 1950–1960-х гг., когда в центре внимания всех мировых СМИ в основном пребывала холодная война в Европе. Тем не менее в первом томе он раскрывает тему, придерживаясь мнения, что европоцентрическое видение мира всегда было неверным, а в определенных принципах составления географических карт неизбежно таится некоторое предубеждение¹⁰³.¹⁰⁴ «Абсурдность ситуации скрывалась за все более широким использованием визуально совершенно искаженной карты мира в проекции Меркатора, которая, увеличивая северную часть, заставляет искусственно ограниченную Европу выглядеть больше, чем вся Африка, и делает непропорционально маленькой Индию». После этого Ходжсон акцентирует внимание читателя на юге и востоке на том, что он называет Ойкуменой (древнегреческий термин, обозначающий «обитаемую часть» мира), на средних широтах зоны афро-азиатской части суши, простирающейся от Северной Африки до границ Западного Китая, территории, которую он также называет «пространством от Нила до Окса».¹⁰⁵ Конечно, в этих определениях существуют неясности, которые иногда противоречат друг другу. Например, регион «от Нила до Окса» обозначает район, ограниченный Египтом с запада, в то время как Ойкумена может относиться к зоне, которая начинается значительно дальше на запад вдоль африканского побережья Средиземного моря. Дело тут в том, что строгие разграничения времен холодной войны, пик которой пришелся на время написания книги, с четким разделением на Ближний Восток, Анатолию и Индийский субконтинент, перестают действовать, когда Ходжсон показывает нам более органичную географию, с которой культура и природный ландшафт снимают привычные ограничения. То есть широкое и опаленное солнцем пространство между

¹⁰² *Toynbee*, Volumes VII–X, p. 121.

¹⁰³ Примеры европоцентрических принципов нанесения на карту см. в *Black, Maps & History*, с. 60–62. – *Прим. авт.*

¹⁰⁴ Пример европоцентрического сопоставления карт см. *Black, Maps & History*, pp. 60, 62.

¹⁰⁵ *Hodgson M. G. S. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization. I: The Classical Age of Islam. University of Chicago Press, 1974. Pp. 50, 56, 60–61, 109–111* (в русском переводе: *Ходжсон М. Дж. С. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней* / Пер. с англ. А. Н. Гордиенко, И. В. Матвеева, Н. В. Шевченко. М.: Эксмо, Наше слово, 2013).

цивилизациями Европы и Китая, – в действительности мир в понимании Геродота, где, по мнению Ходжсона, находится ключ к мировой истории.

Учитывая, как глобализация сейчас стирает границы, регионы и культурные различия, нарочито грандиозная и гибкая географическая концепция Ходжсона на самом деле очень полезна, поскольку дает нам понять, насколько карта рельефа может сопротивляться фиксированным и жирным линиям границ. Таким образом, Ходжсон помогает читателю представить себе изменчивый мир времен поздней Античности, времена когда появился ислам, а также современный мир, в котором Китай и Индия наращивают свое экономическое присутствие на Большом Ближнем Востоке (в былые времена – в Ойкумене). В это же время страны Персидского залива делают то же самое в Африке, разрушая этим уже привычные нам искусственные границы.

«Регион, где суждено было сформироваться исламской культуре, практически может быть определен методом исключения, – поясняет он, – как совокупность земель, где не укоренились традиции Греции и санскрита и от которых европейский и индийский регионы в конце концов отделились. В этом понимании наш регион в осевое время (в 800–200 гг. до н. э.) состоял из тех земель между Средиземным морем и горной системой Гиндукуш (территория современного Афганистана), в которых культуры Греции и санскрита в лучшем случае получали локальное и недолгое распространение». На этом участке Большого Ближнего Востока, простирающемся почти на 5000 км в нижней среднеширотной умеренной зоне, две географические особенности способствовали развитию высокой культуры: выгодное местоположение для торговли, в особенности положение Аравии и Плодородного полумесяца, через которые проходили торговые пути от одной границы Ойкумены до другой, а также засушливость региона.

Последний пункт требует объяснения. Ходжсон утверждает, что нехватка воды уменьшала количество материальных благ, которые можно было бы получить от сельского хозяйства. По этой же причине скопления участков плодородной земли встречались редко, что делало жизнь в сельской местности нестабильной и второсортной по сравнению с жизнью в городах и оазисах. Деньги и власть концентрировались в руках торговцев, которые проживали в стратегически важных точках длинных торговых маршрутов Ближнего Востока. Особенно важными были те торговые пути, которые располагались близко к морским магистралям Красного и Аравийского морей, а также Персидского залива. Они предоставляли арабским торговцам стратегически крайне важный доступ к колоссальным потокам торговли, проходящим через Индийский океан. А поскольку это был мир торговли, основанный на устных договорах, этика поведения и «честное ведение дел» были крайне важны для стабильности экономической жизни. Таким образом, поскольку влияние и Византийской, и Сасанидской империй, расположенных к северу, слабело в Анатолии и Персии, то в Аравии и Плодородном полумесяце развились подходящие условия для появления веры, которая придавала особое значение этике по сравнению с той верой, которая просто обеспечивала «смену сельскохозяйственных сезонов». Так, ислам возник на основе принципов, проповедуемых купцами и торговцами, под влиянием дыхания пустыни.¹⁰⁶

Самым важным центром торговли в Западной и Центральной Аравии была Мекка в Хиджазе, регионе поблизости от Красного моря. Она располагалась на пересечении двух основных маршрутов. Один простирался на север и на юг, соединяя Йемен и порты Индийского океана с Сирией и Средиземноморским регионом, а Мекка была посреди пути. Вторым путь шел на запад и на восток, соединяя Африканский Рог на противоположном берегу Красного моря с Месопотамией и Ираном на берегах Персидского залива. Мекка была рас-

¹⁰⁶ Hodgson, The Venture of Islam, 1: pp. 114, 120–124, 133. Hodgson M. G. S. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization, 2: The Expansion of Islam in the Middle Periods. University of Chicago Press, 1974. Pp. 65, 71.

положена достаточно далеко от центра Сасанидской империи в Иране, чтобы не зависеть от нее, хотя и была подвержена влиянию светских, религиозных и философских веяний – зороастризма, манихейства, эллинизма, иудаизма и т. д. – со стороны Персии, Ирака и Малой Азии. Хотя в Мекке и не существовало большого оазиса, в ней было достаточно воды для верблюдов. Холмы защищали ее от пиратов Красного моря, и она обладала святыней, Кааба, где были собраны священные символы всех кланов региона, что привлекало паломников из самых далеких земель. Все это складывалось в широкий географический контекст, в котором появился пророк Мухаммед, уважаемый местный торговец и купец, который в возрасте «за 30» озабоченным вопросом, как жить честно и непорочно. Мекка была не захолустным лагерем в пустыне, а живым многонациональным центром местной цивилизации.¹⁰⁷

Конечно, география, вплетенная Ходжсоном в сложные узоры его повествования, не объясняет ислам полностью, ведь религия по самой своей сути основывается больше на метафизических материях, чем физических. Но он показывает, как географическая среда способствовала развитию региона и, включая в себя множество факторов, таких как ислам, влияла на принципы торговли и перемещения бедуинских племен, которые в свою очередь сформировались под влиянием засушливых географических условий региона, испещренного торговыми маршрутами.

Территория Аравии, по которой перемещались бедуины, была ограничена тремя географическими зонами с развитым сельским хозяйством: Сирией на севере, Ираком на северо-востоке и Йеменом на юге. Каждый из этих трех регионов, в свою очередь, был соединен с «политическим центром», нагорным районом, который в VI–VII вв. осуществлял над ними контроль. В случае Сирии это были гористые районы Анатолии, в Ираке – возвышенности Ирана, а вот связи Йемена с Абиссинскими горными районами (современная Эфиопия) были несколько слабее. Ислам воцарился на большинстве этих территорий, но география частично сыграла роль в том, что эти районы цивилизации с развитым сельским хозяйством, в особенности Сирия и Ирак, расположенные на изгибах Плодородного полумесяца, сохранили свою индивидуальность и стали конкурирующими центрами исламского мира.¹⁰⁸

Исторический обзор позднего античного периода и эпохи Средних веков, сделанный Ходжсоном в первых двух томах его монументального труда, во многом объясняет, как возникли современные государства Ближнего Востока, став очевидным результатом западного колониализма, и почему они в меньшей мере являются искусственными образованиями, чем можно предположить. Как видно, Египет, Йемен, Сирия и Ирак, не говоря уже о Марокко, окруженном морями и Атласскими горами, и Тунисе, ставшем наследником античного Карфагена, с античных времен защищали границы цивилизаций, будучи правомерными предшественниками современных государств, пусть даже границы этих государств, проходящие среди пустынь, часто можно назвать условными. Тойнби, сокрушаясь о разделении арабского мира, предполагает, что насильственная европеизация «стала преобладать до того, как появились какие-либо признаки общего исламского государства».¹⁰⁹ Но тот факт, что ислам сформировал мировую цивилизацию, еще не означает, что ей суждено существовать одним государством, потому как Ходжсон показывает, что у этой цивилизации имелось много населенных центров, у которых было богатое прошлое и до распространения ислама, и все это сыграло свою роль в эпоху постколониализма. Гористые районы Ирана, как пишет Ходжсон, всегда были связаны с политикой и культурой Месопотамии, что стало очевидным в 2003 г., после вторжения США в Ирак, которое заново открыло Ирану путь в регион. В

¹⁰⁷ Hodgson, 1: pp. 154, 156, 158.

¹⁰⁸ Hodgson, 1: p. 151, 204–206, 229.

¹⁰⁹ Toynbee, Volumes I–VI, p. 271.

самом деле, граница между Персией и Месопотамией, которая постоянно перемещалась и долгое время проходила по реке Евфрат, теперь находится в самом сердце Ирака. Арабы завоевали Сасанидскую империю, расположенную в центре Иранского плоскогорья, в 644 г. н. э. спустя всего лишь 22 года после *хиджры*, переселения Мухаммеда из Мекки в Медину, события, которое ознаменовало начало эпохи ислама в мировой истории. Но Анатолийские горы были расположены дальше и на более обширной территории. Частично именно благодаря географии турки-сельджуки, а не арабы завоевали центр Анатолии и установили власть ислама лишь спустя более 400 лет, победив Византийскую империю в битве при Манцикерте в 1071 г.^{110, 111}

Сельджуки были кочевым народом из степей, расположенных глубоко в центре Евразии, которые вторглись в Анатолию с востока (Манцикерт находился в Восточной Анатолии). Но, как и арабам, так и не сумевшим завоевать плоскогорья Анатолии, сельджукам не удалось установить стабильную власть над самым сердцем исламской цивилизации – Плодородным полумесяцем и Иранским плоскогорьем, не говоря уже о Хиджазе и остальной территории пустынной Аравии, расположенной к югу. И вновь не последнюю роль сыграла география (хотя турки-османы, наследники сельджуков, впоследствии завоевали пустыни Аравии, их власть в этом регионе никогда не была крепкой). Власть тюрок распространялась до Бенгалии, на самом востоке Индостана. Но это было частью миграции населения на юг, через всю среднеширотную часть Евразии, расположенную с востока на запад. Эти тюркские кочевники составляли основную массу племен под контролем монгольских войск (сами монголы были тогда достаточно немногочисленной элитой). Мы поговорим о монгольских ордах и их геополитическом значении позже, но здесь интересно отметить мнение Ходжсона о том, что кочевой образ жизни монголов и тюркских народов, передвигавшихся на лошадях, в конечном итоге сыграл гораздо более важную роль в истории, чем кочевничество арабов, которые использовали верблюдов. Поскольку лошади не выдерживали засушливого климата пустынь Ближнего Востока, а овцы, которых эти кочевники часто брали с собой, требовали достаточно большого количества еды, армии под контролем монголов избегали далекой Аравии. Они предпочитали разорять Восточную Европу, Анатолию, Северную Месопотамию и Иран, Центральную Азию, Индию и Китай, как регионы с более приемлемым климатом. Все эти территории в целом имели огромное стратегическое значение на карте Евразии перед тем, как в военном деле стал использоваться порох. Тюркско-монгольские завоевания могут считаться одними из самых значимых событий в мировой истории во втором тысячелетии нашей эры, и важную роль в них сыграли географические особенности распространения некоторых животных.¹¹²

Рассуждения Ходжсона о монголах показывает, что «История ислама» представляет собой гораздо больше, чем просто научный труд. Назвать Ходжсона специалистом в области арабистики или исламистики означает значительно преуменьшить его достижения. В его толковании ислам – это механизм, раскрывающий наиболее важные интеллектуальные, культурные и географические тенденции, оказывающие влияние на общественные отношения афроевразийских стран, всего Старого Света, с античной Ойкуменой в центре. Это не труд по географии как таковой. Ходжсон уделяет такое же внимание определению суфийского мистицизма, как и ландшафту, а также другим бытовым традициям, относящимся к вероисповеданию. И все же, говоря о географии, он показывает, как та взаимодействует с политикой и идеологией, определяя своеобразие истории. Например, в конце XIII в. в Анатолии турки-османы в конечном итоге пришли на смену своим тюркским собратьям, сель-

¹¹⁰ Абиссинское нагорье было еще менее доступным и осталось под влиянием христианства.

¹¹¹ Ibid, p. 268.

¹¹² Hodgson, 2: p. 54, 396, 400–401.

джукам. «Монолитная военная кастовая система османов очертила “незыблемые географические границы” на подконтрольных территориях, в отличие от России или, скажем, даже монголов, находившихся на более примитивном уровне развития общества». Османам была свойственна единая огромная армия, с которой непременно всегда должен быть падишах, или император. В то же время им приходилось действовать из одной столицы, Константинополя, в северо-восточном Средиземноморье, рядом с Черным морем, где была сосредоточена объемная бюрократическая структура султаната. «В результате обширную военную кампанию можно было проводить только в те земли, куда получалось добраться за один сезон». Так что Вена на северо-западе и Мосул на юго-востоке были географическими пределами османской сухопутной экспансии. Армия могла бы перезимовать в Софии или Алеппо, расширяя эти пределы, но кампания тогда неизбежно бы осложнялась трудностями, связанными с провизией, товарами и ресурсами. В целом тем не менее такая абсолютистская система, при которой вся власть, личная и бюрократическая, концентрировалась в Константинополе, делала географическое положение столицы решающим фактором. В определенной степени это можно назвать противоположностью человеческому фактору и привело в конечном итоге к упадку этого военного государства, поскольку, когда османская экспансия достигла своих географических пределов, боевой дух простых солдат, равно как и их награды, стал постепенно исчезать. Менее централизованное государство, возможно, имело бы своим результатом более стабильную империю, чем та, что оставлена на милость географии. Что касается флота, жесткая тирания дислокации усиливалась давлением абсолютизма, и военно-морские силы османов в основном были собраны в Черном и Средиземном морях, недалеко от дома, лишь ненадолго добившись успеха в сражениях с португальцами в Индийском океане.¹¹³

Маршалл Ходжсон, как и его коллега по кафедре истории Чикагского университета Уильям Мак-Нил, менее академичен в современном понимании слова, чем интеллигент из Старого Света, строгость монументального научного исследования которого, возможно, связана с его неустанным следованием своим квакерским убеждениям. То есть даже в тщательном исследовании деталей он видит простор. Его мысль разворачивается главным образом в древнегреческой Ойкумене, которая, между прочим, также во многом служит материалом для всемирной истории Мак-Нила и, как мы уже сказали, основным контекстом для геродотовской «Истории», написанной в V в. до н. э. Не случайно, что именно эта часть мира сейчас во всех новостных заголовках – область между восточным Средиземноморьем и Ирано-Афганским плоскогорьем. Именно на территории Ойкумены сходятся воедино континентальные массивы Евразии и Африки, с большим количеством выходов к Индийскому океану через Красное море и Персидский залив. Это делает регион крайне важным плацдармом в стратегическом плане, а также местом пересечения миграционных маршрутов, а следовательно, провоцирует конфликты этнических групп и вероисповеданий. «История» Геродота описывает эти непрекращающиеся волнения.

Геродот является ключевой фигурой в моем объяснении актуальности трудов Мак-Нила и Ходжсона в XXI в. Геродот – греческий историк, подданный Персидской империи, родился между 490 и 484 гг. до н. э. в Галикарнасе, расположенном на юго-западе Малой Азии. В своем изложении истоков и событий войны между греками и персами он делает акцент на идеальном равновесии между важностью географии и решений человека. Геродот выдвигает на передний план *частичный* детерминизм, который нам всем так нужен. Он показывает нам мир, где географическая карта всегда служит фоном. В те времена это была карта Греции и Персии с их *полуварварскими* периферийными областями на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Одновременно с географической реальностью одиночные

¹¹³ Hodgson M. G. S. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization. 3: The Gunpowder Empires and Modern Times. University of Chicago Press, 1974. Pp. 114, 116.

порывы человека часто приводят к разрушительным политическим последствиям. Геродот – символ мировоззрения, которое нам всем необходимо заново в себе развить, чтобы меньше удивляться грядущим изменениям в мире.

«Обычай – царь всего», – замечает Геродот, цитируя Пиндара. Геродот рассказывает о египтянах, которые брили брови, оплакивая любимого кота, о ливийских племенах, которые отращивали длинные волосы с одной стороны головы и стригли их с другой, а также смазывали тело киноварью. А еще были массагеты, народ, живший к востоку от Каспийского моря, на территории современного Туркменистана, у которых было принято, что если кто у них доживет до глубокой старости, то «все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают».

Сначала Геродот обрисовывает ландшафт местности. Затем описывает исторический опыт проживающего там народа, а также нравы, обычаи и мнения, возникающие в результате этого опыта. Геродот сохранил память о цивилизациях и географических условиях, в которых они развивались, он сохранил мифы, легенды и даже память о заблуждениях народов. Он понимал, что чем более обширное представление политический лидер имеет о том, что *именно там, за пределами*, тем меньше вероятность того, что он допустит трагическую ошибку. Скифы жили на дальней стороне Босфора Киммерийского, где так холодно, что им, дабы добыть зимой глины, приходилось разжигать костер. Геродот рассказывает, как Артабан предупреждает Дария, персидского царя, что нет смысла идти войной на скифов – этот кочевой народ способен быстро перемещаться, у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой, нет у них целей для нападения большой, хорошо вооруженной армии.¹¹⁴

Впечатляющая сила Геродота заключается в его убедительном воскрешении в памяти того, во что именно могут верить люди. Это вера, которая становится практически осязаемой из-за факта, что древние, жившие без науки и техники, видели и слышали по-другому – более интенсивно, чем мы. Ландшафт и географическая среда были для них реальны настолько, что мы и представить себе не можем.

Возьмем, к примеру, историю Фидиппида, который был гонцом-сороходом, посланным из Афин в Спарту просить военной помощи против персов. Как потом уверял афинянин сам Фидиппид, на горе Парфений ему явился бог Пан, который окликнул Фидиппида по имени и велел сказать афинянам, почему они так пренебрегают им, тогда как он благосклонен к афинянам, часто прежде им помогал и впредь также будет полезен. Афиняне поверили в истинность слов Фидиппида и, когда настали для них вновь лучшие времена, воздвигли святилище Пана у подошвы акрополя.

Это не просто милое предание; вполне возможно, есть в нем большая доля правды, поскольку афиняне поведали эту историю Геродоту. Сороход, вполне вероятно, верил, что он видел Пана. *Он на самом деле видел Пана*. Появление этого видения неудивительно, учитывая усталость Фидиппида, место пантеона богов в системе верований и страх перед природными стихиями, заставляющий видеть в них чудеса, утерянные человеческой расой с тех пор. Как Борис Пастернак пишет в «Докторе Живаго», античный мир был «заселен человеком так редко, что он не заслонял еще природы». «Природа так явно бросалась в глаза человеку и так хищно и ощутительно впивалась ему в загривок, что, может быть, в самом деле все было еще полно богов».¹¹⁵ Если рационализм и отделение религии от других сфер жизни так сильно на нас повлияли, что мы не можем себе представить, что видел Фидиппид, тогда

¹¹⁴ Все прямые цитаты взяты из переводов Дэвида Грене (*Herodotus. The History*. University of Chicago Press, 1987). Я также обращался к материалам из введений к другим переводам, сделанным А. Р. Бёрном и Томом Гриффитом.

¹¹⁵ *Pasternak B. Doctor Zhivago* / Translated by Max Hayward and Manya Harari. New York: Pantheon, 1958. P. 43. Цит. по: Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. С. 43.

мы просто не в состоянии понять религиозных движений, которые обращают вспять достижения Просвещения и влияют на сегодняшнюю геополитику, а следовательно, и защитить себя от них. В то время как свободные пространства на планете заполнялись, а природный мир вокруг коренным образом изменился, новая география трущоб, бараков и непонятных ландшафтов оказывает не менее сильное влияние на психологию людей, хотя это и происходит несколько по-иному. И для того чтобы понять эту новую географическую среду, исключительную важность, которую она придает пространству, а также ее влияние на духовность, полезно для начала понять античные рельефы, описанные Геродотом.

Основной загадкой «Истории» Геродота является притягательность этого пропитанного культурой кусочка суши, притаившегося к западу от плоскогорий Персии и Малой Азии, на котором расположилась Греция. Казалось бы, здесь географический детерминизм явно выражен, ведь народы Азии на востоке и Греция на западе воевали друг с другом веками. В наши дни это противостояние выразилось в напряженных отношениях между Грецией и Турцией. Конфликт между этими двумя странами не переходил в открытую войну с 1920-х гг. главным образом из-за массовых переселений, произошедших в то десятилетие, приведших к созданию двух подчеркнуто моноэтнических государств. Другими словами, мир воцарился только после этнической чистки, произошедшей по велению географии. И все же это совсем не то направление мысли, которое дает Геродот.

Геродот демонстрирует слабость человека перед своими желаниями и сопутствующие им характерные особенности людских интриг и козней. Он приводит пример, как в круговороте страстей преследуются личные интересы. Атосса, жена персидского царя Дария, вызывает к мужской гордости мужа на супружеском ложе, умоляя его вторгнуться в Грецию. Она это делает в качестве одолжения для греческого лекаря, который излечил ее от опухоли на груди и который хочет вернуться на родину. Власть географии заканчивается там, где начинаются шекспировские страсти.

«История» Геродота на самом глубоком уровне поднимает вопрос о понимании превратностей судьбы – *мойры* по-гречески, «распределяющей жребии». И поскольку герои преодолевают судьбу, они формируют основную структуру повествования Геродота. Во вступлении к «Истории ислама» у Ходжсона есть такие слова:

«Увековечивая память великих деяний греков и персов, Геродот писал в своей “Истории”: “Это неповторимые деяния, достойные нашего безграничного уважения. Эти поступки нельзя симитировать, но им можно подражать и в определенной степени даже превзойти. Однако даже теперь мы не посмеем назвать человека, равного по величию прежним героям”».¹¹⁶

Маршалл Ходжсон говорит об этом в самом начале своего труда, чтобы ясно дать понять, что люди полностью контролируют свою судьбу, пусть даже на протяжении трех томов он частенько описывал мощные природные тенденции, которые, казалось бы, едва ли поддавались контролю человека. Без идеи о внутренней борьбе, о борьбе индивида гуманизм в исторической науке невозможен, утверждает Ходжсон. Так он создает свой образ ислама как «совокупности традиций, влияющей на людей и их мораль», силы, которая приобрела глобальные масштабы, но зародилась в результате действий отдельных людей в Мекке.

Итак, мы возвращаемся к борьбе с судьбой, и это хорошо. Сейчас нам необходимо подкрепление в виде Геродота, Ходжсона, Мак-Нила и им подобных, поскольку мы собираемся ступить на крайне неприветливую территорию геополитики и псевдодетерминистских теорий, которые из нее прорастают. На самом деле общие черты развития истории уже предсказывались ранее, и это можно сделать и в будущем. Это весьма тревожно, если не сказать

¹¹⁶ Hodgson, 1: p. 25.

более, учитывая, как отдельные личности могут изменить ход истории. Но, как мы увидим, это все же правда. Люди, о которых пойдет речь, должны заставить либерально настроенных гуманистов понервничать. Едва ли они были философами – скорее, географами, историками и стратегами, которые считали, что карта решает практически все, не оставляя никакого пространства для человеческого фактора. Человеческий же фактор, насколько он вообще имел для них значение, был важен только в плане военного и коммерческого господства. И все же об этих людях нам придется поговорить, чтобы определить для себя рамки того, с чем мы сталкиваемся во всем мире и чего в этом мире можно достичь.

Глава 4

Карта Евразии

Времена массовых потрясений, проверяя на прочность нашу самонадеянную веру в незыблемость политической карты, возвращают нас к размышлениям о географии. И, в частности, потому, что география служит основой для стратегии и геополитики. Стратегия в соответствии с определением Наполеона является искусством использовать время и пространство в военных и дипломатических целях. Геополитика заключается в изучении окружающего мира, с которым сталкивается каждое государство, определяя свою стратегию: государство, находясь в окружении других государств, также стремится к выживанию и превосходству.¹¹⁷ Короче говоря, геополитика – это влияние географии на разделение территорий людьми.¹¹⁸ Как говаривал Наполеон: «Изучив географическое положение государства, можно судить о его внешней политике».¹¹⁹

Ганс Моргентау называет геополитику «псевдонаукой», так как «значение географии возводится в абсолют». Занимаясь написанием книг вскоре после Второй мировой войны, он хорошо помнил великого британского географа Маккиндера, чьи теории начала XX века нацисты воскресили во время Второй мировой и использовали их с целью оправдать концепцию *Lebensraum*, что в переводе с немецкого означает «жизненное пространство».¹²⁰ Однако ввиду того, что главной целью геополитики является достижение равновесия сил, а нацисты стремились к полному господству, то нацистские ссылки на Маккиндера представляли собой его, Маккиндера, идеи в откровенно извращенной форме. Соотношение сил, согласно Маккиндеру, обеспечивая безопасность стране, является основой свободы.¹²¹ Моргентау, возможно, слишком строг к Маккиндеру. В любом случае антипатия Моргентау к Маккиндеру и то, как тщательно он излагает основные положения теорий Маккиндера, сами по себе являются свидетельством мощнейшего влияния последнего на западную геополитическую мысль на протяжении многих десятилетий. Маккиндера осуждают, но он все равно остается актуальным, особенно в эпоху подобную нашей, когда войска США разбросаны по территории всего Среднего Востока и Северо-Восточной Азии. Конечно, некоторая доля правды, которая сбивает с толку, проступая между строк, в его работах существует. Существует также и возможность преувеличения значимости такой правды.

Хэлфорд Маккиндер определенно был талантлив. Через всю его жизнь красной нитью проходит утверждение, что география – обобщенный ответ на любой конкретный теоретический вопрос.¹²² В 1890 г. он описал один пример того, как знания географии могут способствовать более глубокому пониманию международной политики.

«Предположим, мне говорят, что определенный сорт пшеницы поставляют из Лахора, и я не знаю, где это находится. Я посмотрел в справочник и уточнил, что это столица Пенджаба. ...Если я не сведущ

¹¹⁷ Grygiel, *Great Powers and Geopolitical Change*, pp. 2, 24. Owens M. T. In *Defense of Classical Geopolitics // Naval War College Review*. – Newport, Rhode Island. – 1999. – Autumn. – Pp. 60, 73. Cohen. S. B. *Geography and Politics in a World Divided*. New York: Random House, 1963. P. 29.

¹¹⁸ Kennedy P. *The Pivot of History: The U. S. Needs to Blend Democratic Ideals with Geopolitical Wisdom // The Guardian*. – London. – 2004. – June 19. Cohen, *Geography and Politics in a World Divided*, p. xiii.

¹¹⁹ Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 1997. P. 37 (в русском переводе: Бжезинский З. Великая шахматная доска / Пер. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1999).

¹²⁰ Morgenthau, pp. 170–171.

¹²¹ Mackinder, *Democratic Ideals and Reality*, p. 205. Parker, pp. 211–212.

¹²² Mackinder, *Democratic Ideals and Reality*, p. 155.

в географии, единственное, что я буду знать, что это где-то в Индии. Если же я разбираюсь в географии, то для меня слово “Пенджаб”, скорее всего, будет подразумевать довольно многое. Я буду знать, что Лахор находится в северной части Индии, на равнине, у подножия укрытого снегом горного хребта, среди многочисленных притоков Инда. Я вспомню о сезоне дождей, о пустыне, о каналах, доставляющих воду с гор. Я буду осведомлен о климате, времени уборки урожая, его среднем количестве. Вспомню я и о Карачи с Суэцким каналом. Я смогу прикинуть, когда груз с зерном будет доставлен в Англию. Более того, Пенджаб по размерам и количеству населения я смогу сопоставить с большой европейской страной типа Испании или Италии, оценив по достоинству этот регион для экспорта товаров из Англии».¹²³

Идеи Маккиндера и способ их преподнесения, как мы сейчас увидим, действительно заслуживают внимания.

Сэр Хэлфорд Джон Маккиндер, отец современной геополитики, которого так не любит Моргентау, известен не столько благодаря своей книге, сколько благодаря единственной статье «Географическая ось истории», опубликованной в апреле 1901 г. в очередном выпуске журнала *The Geographical Journal* в Лондоне. В ней Маккиндер утверждает, что Средняя Азия, помогая сформировать евразийский «Хартленд», является «географической осью» истории, основанием судеб мировых империй: так как расположение природных артерий Земли между горными цепями, вдоль рек и по равнинам скорее способствует зарождению империй, провозглашенных или нет, чем построению государств. Прежде чем мы станем выяснять, как такое понимание, уточненное и переоцененное, влияет на нашу геополитику, стоит пояснить, как Маккиндер пришел к этому определению. Его статья, обращаясь ко всей истории и к различным видам человеческих поселений, является образцом географического труда; в ней присутствует множество отсылок к Геродоту и Ибн Хальдуну, и она является предвестником трудов Мак-Нила, Ходжсона, а также французского историка и географа Фернана Броделя. Как пишет Маккиндер, предвещая Броделя: «Человек, а не природа дает начало, но природа в большинстве случаев оказывается сдерживающей силой».¹²⁴

Самое первое предложение в статье Маккиндера задает эпический размах всей статье:

«Когда историки в далеком будущем оглянутся назад на века, которые мы сейчас переживаем, и рассмотрят их в той перспективе, в том сокращенном виде, в каком мы сегодня видим эпоху династий фараонов в Египте, очень может быть, что последние 400 лет будут названы эпохой Колумба, которая завершилась в начале 1900 г.»¹²⁵

Он поясняет, что в то время, как средневековое христианство было «замкнуто в узких территориальных рамках, под угрозой нашествий варварских племен», эпоха Колумба – эпоха открытий – позволила европейским ценностям распространиться за океаны, преодолев «незначительное сопротивление». Но впредь, в следующие эпохи, писал он в 1904 г., «нам придется вновь иметь дело с закрытыми политическими системами», но теперь уже «всемирного масштаба». В продолжение размышлений он отмечал:

¹²³ Mackinder H. J. On the necessity of thorough teaching in general geography as a preliminary to the teaching of commercial geography // *Journal of the Manchester Geographical Society*. – 1890. – Vol. VI. Parker, pp. 95–96.

¹²⁴ Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*. – London. – 1904. – April. – P. 422.

¹²⁵ Mackinder, *The Geographical Pivot of History*, p. 421.

«Каждый социальный взрыв, вместо того чтобы постепенно рассеяться в неизведанных пространствах, где царит первобытный хаос, будет в дальнейшем гулким эхом отражаться по всему земному шару, расшатывая политические и экономические устои государств».¹²⁶

Понимая, что европейским империям больше некуда расширяться, он отдавал себе отчет в том, что любая война в Европе будет носить характер мировой, что и реализовалось в Первой и Второй мировых войнах. Как я узнал когда-то на курсах повышения квалификации в армейском Командно-штабном колледже в Форте Ливенворт, подобное истощение ведет к глобальным изменениям. Другими словами, к 1900 г. эпоха открытий подошла к концу, но на протяжении всего XX в. вплоть до наших дней (а особенно с перспективой на ближайшие десятилетия) сформированная и перенаселенная карта мира, или же шахматная доска Маккиндера, как я уже отмечал, продолжает заполняться. И речь идет не только о населении, но и о накоплении оружия. К примеру, страны Ближнего Востока в последние лет 50 лет сами по себе эволюционировали из государств, где преобладали провинциальные города и деревни, до стран с мегаполисами. Как журналист-международник последние 30 лет я имел возможность убедиться, что мир, даже в самых отдаленных его уголках, стал высоко урбанизирован. Позже мы детально поговорим о последствиях этих процессов, но для этого нам необходимо вернуться к Маккиндеру и его «евразийской оси истории».

Хэлфорд Маккиндер предлагает нам посмотреть на европейскую историю как на производную истории Азии, так как он считает, что европейская цивилизация основывается на постоянном противостоянии захватническим устремлениям азиатских племен. Маккиндер задолго до Мак-Нила отмечает, что Европа утвердилась как культурный феномен в основном благодаря своей географии: горные массивы, долины, полуострова – отсюда происходили отдельные нации, которые противостояли угрозе, исходившей с равнин России на востоке. Равнинные территории России распределялись между лесами к северу и степями на юге. Прообразы Польши и Российского государства были созданы, по утверждению Маккиндера, исключительно для защиты северных лесов, ведь в V–XVI вв. с просторов голых южных степей совершали набеги гунны, булгары, мадьяры, калмыки, печенеги, половцы, монголы и прочие воинственные племена. В бескрайних степных районах «Хартленда» суровый климат, из растительности – в основном трава, которая порой уступает место песку. Песок этот разносят на огромные пространства мощнейшие ветра. В таких условиях вырастают жестокие воины, уничтожающие врага или гибнущие на поле брани, не стремясь найти места, где можно было бы укрыться. Союз франков, готов и жителей римских провинций в противостоянии азиатам породил прообраз современной Франции. Подобным образом появились Венеция, Папская область, Германия, Австрия, Венгрия и другие европейские державы. Маккиндер пишет:

«Стоит задуматься о том, как на протяжении нескольких столетий, которые теперь мы называем мрачным Средневековьем, язычники с севера пиратствовали в Северном море, сарацины и мавры-язычники держали в страхе Средиземное море, а турки совершали набеги из Азии в самое сердце христианского мира – с полуострова, окруженного враждебным морем со всех сторон. И мы четко видим причину территориального дробления современной Европы, которая словно находилась между молотом и наковальней. Под молотом следует понимать мощь земель “Хартленда”».¹²⁷

¹²⁶ Mackinder, p. 422.

¹²⁷ Mackinder, *Democratic Ideals and Reality*, p. 72. Fairgrieve, *Geography and World Power*, p. 103.

А что ж Россия? Защищенная от вторжения лесами, тем не менее она пала жертвой Золотой Орды в XIII в. и в результате осталась за бортом европейского Возрождения с комплексом неполноценности и чувством незащищенности. Огромная империя, раскинувшаяся на суше, не имеющая природных барьеров – защиты от нападения – кроме, собственно, лесов, Россия хорошо усвоила урок жестокого гнета завоевателей. И как результат она постоянно пытается увеличить и удержать собственную территорию или, по крайней мере, контролировать близлежащие земли.

В то время как монголы из Центральной Азии в опустошающих походах добрались не только до России, но и до Турции, Ирана, Индии, Китая, северных земель арабского Среднего Востока, Европа по большей части не знала подобных бед, а потому смогла стать политическим центром мира¹²⁸.¹²⁹ Действительно, принимая во внимание тот факт, что пустыня Сахара отделяла Европу от большей части Африки, судьба Европы до эпохи Колумба, согласно Маккинтеру, зависела в основном от развития событий в азиатской степи. И речь идет не только о монголах. На протяжении X–XI вв. турки-сельджуки совершали набеги в степи «Хартленда», разорив значительную часть Ближнего Востока. Именно в результате дурного обращения сельджуков с христианскими паломниками в Иерусалиме начались Крестовые походы, которые Маккиндер считал началом коллективной истории Европы.

Хэлфорд Маккиндер продолжает в том же русле, раскрывая перед читателем Евразию, скованную льдами на севере, омываемую тропическими океанами на юге, имеющую четыре пограничных региона, расположенных в зонах стратегического интереса центральноазиатских монголо-тюркских орд. Этим регионам, по Маккинтеру, соответствует распространение четырех мировых религий, так как религия тоже производна от географии в рассуждениях Маккинтера. Земли муссонов, расположенные у берегов Тихого океана, населены буддистами; на юге, у Индийского океана, – индуисты. Третий пограничный регион – сама Европа, омываемая Атлантическим океаном, – зона христианства. Наиболее хрупкая зона – Ближний Восток, родина ислама, «лишенная влаги ввиду близости Африки» и, «за исключением оазисов, едва заселена» (так было в 1904 г.). Лишенная лесов пустыня, открытая вторжению кочевых племен, с последующими восстаниями, революциями. Вдобавок ко всему Ближний Восток, ввиду близости заливов, морей и океанов, особенно уязвим именно со стороны моря (хотя нередко близость большой воды скорее приносила ощутимую выгоду). Если быть точным, Большой Ближний Восток, с исключительно географической точки зрения Маккинтера, чрезвычайно нестабильная транзитная зона, такая сильно растянутая промежуточная станция между цивилизациями Средиземноморья и Китая с Индией. Зона, отражающая все значительные изменения власти, политического курса. По всему видно, что такая теория – предвестник теории Ходжсона о Большом Ближнем Востоке, как об Ойкумене античного мира, из которой вышли три мировые религии (иудаизм, христианство и ислам) и которая продолжает играть главнейшую роль в современной геополитике.

Но все же Маккиндер, создавая свою теорию задолго до нефтяного бума, трубопроводов, баллистических ракет, помещает геополитическую ось в стороне от Ближнего Востока, как бы отменяя его значимость, и продолжает развивать свои тезисы.

По словам Маккинтера, эпоха Колумба примечательна открытием морского пути в Индию, в обход мыса Доброй Надежды, минуя в том числе и Ближний Восток. В Средние века Европа была «зажата между непроходимой пустыней на юге, неизвестным океаном на западе... льдами и лесами на севере и северо-востоке», а также «всадниками на лошадях и

¹²⁸ У США схожая судьба: из Второй мировой государство вышло без значительных потерь – в то время как Европа, СССР, Китай и Япония лежали в руинах, Америка получила десятилетия преимуществ в политическом и экономическом развитии. – *Прим. авт.*

¹²⁹ См. примечание автора в сноске в тексте главы.

верблюдах» на востоке и юго-востоке. Затем она вдруг получила доступ к богатствам Южной Азии через Индийский океан, не говоря уже о стратегических открытиях в Новом Свете.

Но, в то время как Западная Европа «заполонила Мировой океан своими кораблями», Россия столь же впечатляюще покоряла сушу, «выйдя из северных лесов», чтобы контролировать степь, противопоставив монголам своих казаков. То есть, пока португальцы, голландцы и англичане с триумфом огибали мыс Доброй Надежды, русские стремительно осваивали Сибирь, отправляли крестьян возделывать плодородные земли южных степей, отодвигая границы исламского персидского мира. Тойнби и другие ученые напишут об этом десятилетия спустя, но Маккиндер был первым.¹³⁰ У этого противостояния длинная история – Европа против России: либеральная морская сила, подобно Афинам или Венеции, против реакционной сухопутной силы – по типу Спарты или Пруссии. Ведь море в дополнение к многонациональному влиянию представляет собой труднопреодолимое препятствие – границу, обеспечивающую безопасность, необходимую для становления либерально-демократической идеи. (США – практически островное государство, окруженное двумя океанами, с малонаселенной Канадой на севере и с единственным источником опасности в виде демографической угрозы на юге – Мексикой.)

Хэлфорд Маккиндер отмечает, что в XIX в. паровой двигатель и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав вокруг отдаленных южных окраин Евразии («Римленда»), при этом развитие железных дорог стало служить «вспомогательной транспортной артерией для морской торговли». Он также отмечает, что теперь железные дороги не только поддерживали развитие торгового флота, но также стали помогать развитию внутренних районов континента, и особенно это было характерно для евразийского «Хартленда», чье развитие ранее тормозилось ввиду недостатка древесины и камня для строительства дорог.

Наконец он подходит к сути:

«Углубляясь в историю, мы видим, как все бóльшую роль в динамике исторических процессов начинает играть география. Разве не будет осью истории та обширная территория суши в Евразии, недостижимая для кораблей, но открытая в древние времена для набегов кочевых племен, а сейчас испещренная сетью железных дорог?»

Согласно Маккиндеру, разрастающаяся Россия, заняв центральное положение в начале XX в., станет преемником монгольской орды, которая, по мнению многих, оказывала значительное влияние на мировую историю на протяжении всего II тысячелетия. Как когда-то монголы ломались в ворота (а часто и ломали эти самые ворота) пограничных регионов Евразии – Польши, Турции, Сирии, Ирака, Персии, Индии, Китая, – так теперь способна поступать и Россия, чья уверенность в целостности своей территории окрепла с постройкой сети железных дорог. Маккиндер пишет: «Географические величины легче поддаются измерению и более постоянны, нежели человеческие». Забудем о царях, да и о коммунистах в 1904 г. еще толком никто не знал. Но все это мелочи, если сравнить с глубинными тектоническими силами – географией и техникой. Не говоря уже о том, что текущие события подтвердили теорию Маккиндера. Всего через несколько недель после его знаменитой лекции японский флот атаковал Порт-Артур на юге Маньчжурии, что стало первой битвой в русско-японской войне. Война окончилась год спустя Цусимским морским сражением, предопределившим исход Русско-японской войны в пользу Японии. Иными словами, в то время как Маккиндер провозглашал важность сухопутных сил, именно морская держава нанесла

¹³⁰ *Toynbee, Volumes VII–X, pp. 151, 168.*

поражение наиболее могущественному материковому государству в вооруженном противостоянии на заре XX в..¹³¹

Тем не менее кажущийся детерминизм Маккиндера подготовил нас к возвышению СССР как величайшего центра влияния второй половины XX в., как и к двум мировым войнам его первой половины, которые, по словам историка Пола Кеннеди, стали битвой за маккиндеровский «Римленд» (периферию), от Восточной Европы до Гималаев и дальше.¹³² В подтверждение точки зрения Маккиндера со времени революции 1917 г. и до распада СССР сеть железных дорог в Центральной Азии и Сибири выросла на 72 500 км.¹³³ Стратегия сдерживания времен холодной войны в основном зависела от количества наземных военных баз на периферии по территории Большого Ближнего Востока и прилегающих к Индийскому океану территорий. Становление сферы влияния США на окраинах Афганистана и Ирака и напряженные отношения с Россией по вопросу политической судьбы государств Центральной Азии и Кавказа – географической оси истории – все это подтверждает теорию Маккиндера. В последнем абзаце Маккиндер поднимает вопрос о завоеваниях Китаем российских земель, что сделает Китай доминирующей геополитической силой. Если посмотреть, как китайские мигранты заселяют земли Сибири, даже несмотря на политический контроль России над нею, прогнозы Маккиндера так или иначе еще раз подтверждаются.

Хэлфорда Маккиндера критикуют за двойственный детерминизм и империализм. Оба эти обвинения отчасти несправедливы. Всю свою жизнь он посвятил преподавательской деятельности, не был экстремистом в своих суждениях, равно как и старался избежать каких бы то ни было идеологий. Маккиндер был империалистом только оттого, что Британия в то время была мировой империей, а он был просвещенным патриотом своей страны, который видел будущее человечества – в особенности что касается демократии – под влиянием британской модели устройства общества, а никак не российской или немецкой. Он был подвластен тем же предубеждениям, что и остальные его современники. Он был детерминистом только в той степени, в какой география как предмет может быть детерминистской. Маккиндер пытался защитить британский империализм после изнурительной Англо-бурской войны (1899–1902).¹³⁴ Но главной темой его работы «Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction» («Демократические идеалы и реальность: Исследование политики реконструкции») стало утверждение, что человеческий фактор сильнее влияния географии. «Однако в долгосрочной перспективе, – пишет Паркер, биограф Маккиндера, перефразируя последнего, – кто работает в гармонии с природой, будет успешнее тех, кто идет ей наперекор».¹³⁵ Это полностью совпадает с теорией Арона, теорией «вероятностного детерминизма», под которой многие из нас подпишутся.¹³⁶ По сути, Арон, считая себя в глубине души скорее социологом, чем естествоиспытателем, защищает Маккиндера, так как тот, по мнению Арона, верил, что географию можно победить с помощью технологических достижений.¹³⁷ Чтоб исключить любые сомнения относительно того, на каких позициях он стоит, в начале «Демократических идеалов...» Маккиндер пишет:

¹³¹ Sloan G. Sir Halford J. Mackinder: The Heartland Theory Then and Now, Geopolitics, Geography and Strategy / Edited by Colin S. Gray and Geoffrey Sloan. London: Frank Cass, 1999. P. 19.

¹³² Kennedy, The Pivot of History: the U. S. Needs to Blend Democratic Ideals with Geopolitical Wisdom.

¹³³ Parker, p. 154.

¹³⁴ Kearns G. Geopolitics and Empire: The Legacy of Halford Mackinder. New York: Oxford University Press, 2009. P. 38.

¹³⁵ Parker, p. 121.

¹³⁶ Mahoney's D. J. Three Decent Frenchmen // *The National Interest*. – Washington. – 1999. – Summer; Aron R. History, Truth and Liberty Selected Writings of Raymond Aron. University of Chicago Press, 1985.

¹³⁷ Grygiel, Great Powers and Geopolitical Change, p. 181; Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations. New York: Doubleday, Garden City, 1966. P. 197–198.

«На протяжении последнего века под влиянием теории Дарвина люди полагали, что выживают только те, кто может приспосабливаться к условиям окружающей среды. Сегодня, возрождаясь из пепелища [Первой мировой], мы понимаем, что победа человечества состоит в победе над фатализмом».¹³⁸

Хэлфорд Маккиндер выступал против самоуспокоенности в любой форме. В подтверждение этому вот еще одна яркая цитата из «Демократических идеалов...»:

«Очень соблазнительно в данный момент [1919 год] считать, что война не начнется, так как уставшее человечество решило, что войны больше не будет. Но международное напряжение будет накапливаться, хотя вначале и медленно. После Ватерлоо целое поколение успело вырасти в мире без войн. Кто из дипломатов за круглым столом в Вене в 1814 г. мог предвидеть, что Пруссия когда-либо станет угрожать миру? Можем ли мы так подготовить русло реки под названием “Будущее”, чтобы избежать порогов и перекатов? Именно такая задача стоит перед нами – не больше и не меньше, если мы хотим, чтобы наши потомки были лучшего мнения о нашем здравомыслии и житейской мудрости, чем мы о здравом смысле дипломатов, решавших судьбу Европы на Венском конгрессе».¹³⁹

Нет, Маккиндер не был просто фаталистом. Он верил, что природу и географию можно отодвинуть на второй план, но только уважая их, изучая должным образом.

Еще раз подтверждает сказанное бессмертное произведение Никколо Макиавелли «Государь». Там мы можем найти наставления для тех, кто не желает мириться с судьбой, но достаточно хитер и ловок, чтобы справляться с более влиятельными силами. То же относится и к теориям Маккиндера. Он рисует пугающую картину, которая ошеломляет силой аргументации и талантливостью изложения – возникает ощущение, что тебя толкают в какую-то предопределенную реальность, когда в действительности он побуждает нас подняться над ней. Он лучший представитель умеренного детерминизма, понимающий, каких усилий нам будет стоить избежать трагедии.

Детерминизм предполагает статичное мышление, склонность покоряться радикальным силам, моде и, таким образом, оставаться безучастным к насмешкам истории. Но Маккиндер был не таков, он являл собой полную противоположность такому отношению. Как одержимый он продолжает пересматривать свою теорию «оси истории» (1904), придавая ей глубину, принимая во внимание злободневные события и их влияние. Действительная ценность теории «географической оси истории» заключается в предвосхищении глобализма, в то время как умы ученых эдвардианской эпохи были заняты размышлениями о Европейской континентальной системе,¹⁴⁰ сама же она, уходящая корнями в постнаполеоновский Венский конгресс за 100 лет до этого, на тот момент уже находилась на последнем издыхании, что предвидели и Маккиндер, и некоторые другие ученые. В Первой мировой войне, разгоревшейся десятилетие спустя после публикации «Оси», столкнулись Германия (Пруссия) и царская Россия на Восточном фронте, а также сухопутная германская держава с морскими державами, Францией и Великобританией, на Западном фронте. Все это напоминало, хоть и отдаленно, сражение за «Хартленд» Маккиндера. «Демократические идеалы...», будучи дополненной и переработанной версией «Оси», вышли в свет во время подписания Версальского мирного договора. Маккиндер предупреждал переговорщиков, что, несмотря на едва успевшую закончиться войну, забравшую миллионы жизней, «отношения между тев-

¹³⁸ Mackinder, *Democratic Ideals and Reality*, p. 2.

¹³⁹ Mackinder, p. 1.

¹⁴⁰ Parker, p. 160

тонцами и славянами до конца не выяснены, а море еще столкнется с сушей». ¹⁴¹ «Географическая ось истории» была лишь теорией, «Демократические идеалы и реальность» – теорией переработанной, служившей предупреждением на долгосрочную перспективу.

Сам текст «Демократических идеалов» изобилует описаниями, размышлениями, демонстрирует эрудицию автора, который касается в отступлениях географических факторов, как современного мира, так и древности, при этом Маккиндер представляет не только точку зрения жителей морских держав, но и описывает положение вещей с точки зрения жителей континентальных стран. Цивилизация долины Нила, как он отмечает, размышляя с точки зрения жителя морской державы, будучи защищена с востока и запада пустынями, никогда не страдала от средиземноморских пиратов только благодаря болотистой местности в дельте на севере страны. Это, в свою очередь, помогло становлению Египетского царства с довольно высоким уровнем стабильности. К северу от Египта в Восточном Средиземноморье располагается остров Крит, самый большой и самый плодородный из греческих островов. Ввиду вышеизложенного Крит служил «первым опорным пунктом морской державы» в западном мире, так как «нужно где-то добывать пропитание для личного состава флота». С Крита, можно считать, начинались эгейские владения, служившие колыбелью древнегреческой цивилизации. Греция как морская держава процветала до прихода персов, жителей сухопутной державы, продолжает Маккиндер. Но усилия персов также завершились полным провалом. Родственные древним грекам македонцы, чье государство граничило с греческими государствами с севера, полностью завладели бассейном Эгейского моря. Ведь Македония, расположенная в относительном отдалении от берега, в глубинах суши, взрастила народ «сухопутных горцев», которые беспрекословно подчинялись своим правителям и были отменными воинами, но то, что она находилась в то же время достаточно близко к морю, позволяло им шире смотреть на мир. Завоевание Греции македонцами сделало Эгейское море закрытым, лишив собственно греков и финикийцев их баз, что, в свою очередь, открыло Александру Македонскому путь к завоеванию Большого Ближнего Востока.

Далее Маккиндер уделяет внимание становлению Римской и более поздних империй, хотя и отмечает, что география не всегда может объяснить закономерности исторических процессов. Например, сарацины из Сахары в Южном Средиземноморье завоевали Испанию в Северном Средиземноморье, но в то же время римляне из Северного Средиземноморья отправились покорять Карфаген – в южном, причем в обоих случаях причина заключается в стремлении людей добиться исключительной власти над морем.

Но тем не менее, как полагает Маккиндер, какими бы героическими ни были деяния человека, сила географии, влияя на человеческую культуру, в конечном итоге побеждает. К примеру, возьмем Санкт-Петербург, столицу России, которую Петр Великий воздвиг в непригодной для этого с точки зрения географии местности. В краткосрочной перспективе удалось нивелировать негативные факторы за счет мотивации и больших человеческих жертв. В краткосрочной перспективе Петр был триумфатором: на протяжении двух веков «Российская империя управлялась оттуда». Но в конце концов столица все же переместилась в глубь материка – в Москву, то есть география вновь победила. Воля и желания человека не безграничны. ¹⁴²

Хэлфорд Маккиндер в «Оси» рассматривает начало эры после Первой мировой войны как период, когда мы впервые столкнулись с «закрытой системой», когда «политическая власть над сухопутными территориями выдохлась». В новом мире суша представляет собой «обширный выступ» или же «мировой мыс», как его именует Маккиндер, простирающийся от Британских островов и Иберийского полуострова на юг вдоль западной Африки и далее

¹⁴¹ Parker, p. 163.

¹⁴² Mackinder, pp. 24–25, 28, 32. Parker, 122–123. Fairgrieve, Geography and World Power, pp. 60–62.

к мысу Доброй Надежды, а затем – через Индостан и Юго-Восточную Азию. Таким образом, Евразия и Африка вместе образуют «мировой остров», что со временем станет единым целым.¹⁴³

«Существует один океан, который покрывает 9/12 земной поверхности. Существует и один континент, покрывающий 2/12 земного шара – “мировой остров”. Также существует большое количество мелких островов, Северная Америка вместе с Южной Америкой, в свою очередь, занимают 1/12 всего объема».¹⁴⁴

Более того, мы смело можем утверждать, что 75 % всего населения Земли проживает на территории Евразии (не принимая в расчет Африку). Тут сконцентрирована большая часть мирового богатства, 60 % ВВП и 3/4 энергетических ресурсов.¹⁴⁵

Косвенно Маккиндер утверждает, что Евразия станет доминировать с точки зрения геополитических расчетов, хотя Европа будет все реже рассматриваться как величина, стоящая особняком, отдельная от Евразии и Африки. «Старый мир стал островным или, иными словами, наибольшим географическим образованием на земном шаре». Со времен окончания наполеоновских войн, за исключением португальского Мозамбика, немецкой Восточной Африки и голландской Вест-Индии, «мировой мыс» в основном находился под патронажем Великобритании. Маккиндер сравнивает контроль римлян над Средиземноморьем (при наличии римских легионов вдоль границ на берегах Рейна) с доминированием Великобритании в Индийском океане (главном океане «мирового полуострова»), в то время как британская армия защищает северо-западные границы Индии от посягательств царской России.¹⁴⁶

Основываясь на теории Маккиндера о «закрытой системе», можно понять процессы, происходящие в Евразии и Африке как некоем едином организме: дальнейшее закрытие системы в течение XX в. и позже – все это является предметом моего собственного исследования, которое служит базой для последующих изысканий. Но в равной степени важно признать, что даже в закрытой системе, для которой экономическим центром является Индийский океан, где в будущем начнут курсировать танкеры, перевозящие нефть и природный газ из Сомали в Китай, все еще существуют географические границы. На самом деле в закрытых системах география приобретает все большую значимость ввиду предрасположенности к этому самой системы, скажем, эффективно использовать труднопроходимую местность в Афганистане в политических интересах, с одного берега «мирового острова» до другого.

Но сейчас давайте вернемся к термину «Хартленд», который так влияет на «мировой остров», и посмотрим, что же подразумевал под ним Маккиндер.

Хэлфорд Маккиндер начинает и подытоживает свои рассуждения высокопарным, хотя и несколько упрощенным афоризмом, который сейчас очень часто цитируют:

«Кто контролирует Восточную Европу – тот командует “Хартлендом”:
кто контролирует “Хартленд” – тот командует “мировым островом”:¹⁴⁷
кто контролирует “мировой остров” – тот командует миром».¹⁴⁸

Главное, что тут необходимо понимать, – это то, что Маккиндер не фанатичный детерминист, он реагирует на события, которые происходят по вине человека, в равной степени предвосхищая их. В период между изданием «Оси» в 1904 г. и выходом в свет «Демократи-

¹⁴³ Mackinder, pp. 22, 38, 41, 46.

¹⁴⁴ Mackinder, pp. 46, 48.

¹⁴⁵ Brzezinski, The Grand Chessboard, p. 31.

¹⁴⁶ Mackinder, pp. 41–42, 47.

¹⁴⁷ То есть Евразией и Африкой.

¹⁴⁸ Mackinder, p. xviii, из выступления Stephen V. Mladineo.

ческих идеалов...» в 1919 г. разразилась Первая мировая война, итогом которой стали условия Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., проходившей как раз в тот момент, когда книга Маккиндера была в печати. После распада Австро-Венгерской и Османской империй, который произошел в результате Первой мировой войны, одной из главных целей дипломатов в Версале стал передел политической карты Восточной Европы. Итак, Маккиндер в своей книге рассматривает вопрос, который он обошел вниманием в «Оси» за 15 лет до этого, а именно «необходимость существования целого ряда независимых государств, разделяющих Германию и Россию». Как он поясняет: «Мы выступали против полунемецкого российского царства, потому что на протяжении полувека Россия была доминирующей, угрожающей силой как в Восточной Европе, так и в “Хартленде”. Мы были противниками полностью немецкой империи с кайзером во главе, потому что Германия захватила бы тогда главенствующее положение в Восточной Европе, отобрав его у России, а впоследствии, сокрушив бунтующих славян, стала бы господствовать в Восточной Европе и “Хартленде”». Таким образом, Восточная Европа, какой Маккиндер ее видел в 1919 г., становится ключом к «Хартленду», являющемуся источником сухопутной мощи не только Германии, но и России в особенности. Последняя «стучится в ворота Индии на суше», что делает ее противником Британской державы, господствующей на море, которая, в свою очередь, «стучится в ворота Китая с моря», обогнув мыс Доброй Надежды и пройдя по Суэцкому каналу. Предлагая идею бастиона из независимых государств Восточной Европы от Эстонии и на юг до Болгарии – «Великая Богемия», «Великая Сербия», «Великая Румыния» и т. д., – Маккиндер, по сути, конкретизирует идею «зоны разлома», разработанную им и Джеймсом Фейргривом, который уделил этой идее особое внимание в своих работах 1915 г., имея в виду, что данная зона особенно подвержена захвату со стороны либо континентальной державы, расположенной в «Хартленде», либо морской державы из Западной Европы.¹⁴⁹ Если этим новым независимым государствам удастся выжить, тогда есть шанс для появления Центральной Европы, как в духовном, так и в геополитическом смысле. В своих идеях Маккиндер пошел намного дальше, размышляя о ряде государств, расположенных к востоку от Центральной Европы. Беларусь, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан и Дагестан могли бы бросить вызов планам социалистической России, которую он называл «якобинским царством». На деле с распадом Советского Союза в 1991 г. образовалась зона, состоящая из нескольких молодых независимых государств, которая поразительным образом совпадала с представлением Маккиндера.¹⁵⁰

Но Маккиндер, по крайней мере на начальном этапе, ошибался на этот счет. Похоже, он не осознавал в отличие от Тойнби, что Европа, границы которой прокладывались в соответствии с принципом национального самоопределения, с большой степенью вероятности оказалась бы под контролем Германии – большей по размеру и более сильной державы с лучшим географическим положением, соперничать с которой не могло никакое другое этническое государство. В самом деле, Германия впоследствии захватила территории Восточной Европы в 1930-х – начале 1940-х гг., а затем СССР отвоевал данные молодые независимые государства маккиндеровской промежуточной зоны, образовав социалистическое содружество этих стран в 1945–1989 гг. Только в последнем поколении появилась надежда, что духовная идея Центральной Европы может выжить между континентальной военной мощью России и Германии. Так почему же Маккиндер, реалист до мозга костей, внезапно дал слабину и стал защищать идеи, соответствующие, по сути, «вильсонианским» принципам национального самоопределения? А потому, как полагает известный ученый, Артур

¹⁴⁹ Mackinder, pp. 95–99, 111–112, 115. Cohen, *Geography and Politics in a World Divided*, pp. 85–86. Fairgrieve J. *Geography and World Power*. University of London Press, 1915.

¹⁵⁰ Sloan, Sir Halford J. Mackinder: *The Heartland Theory Then and Now*, p. 31.

Дуган, что Маккиндер, несмотря на свои смелые детерминистские теории, оставался все же сыном своего времени и был «подвержен влиянию общественного мнения больше, чем он сам думал».¹⁵¹

Глубоко в душе Маккиндер был либералом или, по крайней мере, оказался им со временем. Он полагал, что Британское Содружество станет союзом культур и народов – разных, но равных; он также считал, что союз демократических государств будет лучшей защитой от супердержавы в центре Евразии (и таким образом предвидел борьбу НАТО против СССР).¹⁵²

Постепенный уклон Маккиндера в сторону принципов Вудро Вильсона, начавшийся с «Демократических идеалов и реальности», становится главным элементом правок, внесенных им в собственную теорию «Хартленда». Эта теория впервые была детально изложена в его статье «Ось», хотя термин «Хартленд» в ней использован не был. Сам стандартный и поныне геополитический термин «Хартленд» применительно к евразийским просторам был введен Фейргривом в книге «*Geography and World Power*» («География и власть над миром») в 1915 г. К определенным в 1904 г. «осевым» зонам Центральной Азии в 1919 г. Маккиндер добавил «участки великих рек Индии и Китая в Тибете и в горах Монголии», и весь широкий пояс стран с севера на юг от Скандинавии до Анатолии, включая Восточную и Центральную Европу. Таким образом, новый «Хартленд» более или менее соответствовал Советской империи на пике ее мощи во времена холодной войны¹⁵³ (стоит уточнить – Советской империи плюс Норвегия, Северная Турция, Иран и Западный Китай). Из-за того что большая часть населения Китая живет не на западе, а в прибрежных зонах с муссонным климатом, «Хартленд» Маккиндера представляет собой основную часть внутренней Евразии с довольно скудным населением, окруженную со всех сторон демографическими гигантами: Китаем, Индией и западной половиной Европы. Ближний Восток (в частности, Аравия и Плодородный полумесяц) не был густозаселенным регионом, в «Хартленд» не входил, но, как пишет Маккиндер в 1919 г., имел первостепенное значение для судьбы «мирового острова», поскольку являлся «коридором» из Европы в Индию и с севера «Хартленда» на юг. Он также доступен сразу из нескольких водных массивов, омывающих Аравийский полуостров.¹⁵⁴ Но «Хартленд» оказывает значительное влияние как на судьбу Аравии, так и на судьбу Европы; наиболее близко расположенной к Аравии частью «Хартленда» является Иран, и этот урок очень важно помнить в наше время. В самом деле, Иранское нагорье очень важно, и к этому я вернусь позже.

¹⁵¹ *Dugan, Mackinder and His Critics Reconsidered.*

¹⁵² *Blouet B. W. Halford Mackinder: A Biography. Texas: Texas A & M Press, College Station, 1987. Pp. 150–151.*

¹⁵³ *Mackinder*, pp. 55, 78. *Cohen*, pp. 42–44.

¹⁵⁴ *Mackinder*, pp. 64–65.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.